

ДЕТЕКТИВ В НОВЫЙ ГОД

Татьяна **УСТИНОВА**

Анна и Сергей **ЛИТВИНОВЫ**

Евгения **МИХАЙЛОВА**

и другие :-)

Великолепные детективные истории

Татьяна Устинова

Детектив в Новый год

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Устинова Т. В.

Детектив в Новый год / Т. В. Устинова — «Эксмо»,
2021 — (Великолепные детективные истории)

ISBN 978-5-04-158219-7

Готовиться к встрече Нового года мы традиционно начинаем заранее и правильно делаем: зачем откладывать все на последние дни, ведь можно растянуть удовольствие и заранее спланировать все предпраздничные дела? А отдохнуть и отвлечься вам помогут увлекательные детективные рассказы из сборника «Детектив в Новый год». Их авторы – Татьяна Устинова, Анна и Сергей Литвиновы, Евгения Михайлова и другие известные писатели – сделали все, чтобы вы почувствовали настоящее новогоднее настроение!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-158219-7

© Устинова Т. В., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Александр Руж. Верлиока	6
Татьяна Устинова. Любить по-русски	28
Анна и Сергей Литвиновы. Ангел на бреющем	31
Евгения Михайлова. Воскреснуть после любви	34
Даша	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Сборник Детектив в Новый год

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Александр Руж. Верлиока

– Александр Васильевич, вы в нечистую силу верите? – спросил Вадим Арсеньев своего непосредственного начальника.

Разговор происходил в первых числах января 1925 года, в разгар борьбы с поповщиной и суевериями. Место действия – Главное управление научными учреждениями, сокращенно Главнаука, оплот фундаментальных знаний при Наркомпросе РСФСР. Действующие лица: руководитель особой группы Специального отдела ОГПУ А.В. Барченко и один из его подчиненных, В.С. Арсеньев. Строгое учреждение, серьезные люди. И нелепый вопрос, который Вадим, не получив ответа, озвучил вторично:

– Так верите или нет?

Барченко, сидевший за большим столом орехового дерева, поднял на назойливого сотрудника круглые стеклышки очков, за которыми, сквозь блики, угадывались темные пронизательные глаза, и проговорил в свойственной ему манере, доставшейся по наследству от предка-иерея:

– Аз, Вадим Сергеевич, верую в могущество человеческого разума и в победу коммунизма на всей земной тверди.

Выразился вроде бы однозначно, но и тон его, и окружающая обстановка свидетельствовали о том, что заданный Вадимом вопрос вовсе не так нелеп, как могло показаться на первый взгляд.

Начать с того, что особая группа, которую возглавлял Александр Васильевич, занималась изучением явлений, выходящих за рамки обыденности, а сам Барченко слыл в Советской республике наипервейшим оккультистом. И помощников он себе подбирал с той же тщательностью, с какой энтомолог выискивает редчайшие экземпляры для коллекции бабочек. Обыкновенные люди, пусть даже весьма толковые и преисполненные рвения, его не интересовали. А вот когда судьба его сводила с индивидуумом, наделенным уникальными способностями, тут он, что называется, делал стойку, как охотничий пес, почуявший запах куропатки. И не имело значения, каких убеждений придерживался тот или иной уникум, состоял ли в партии и была ли правильной его биография.

Вадим, например, не мог похвастаться пролетарским происхождением, да и в марксистско-ленинской теории откровенно плавал, зато умел видеть в темноте, обладал поистине локаторным слухом, ну и так, по мелочи – мог практически бесшумно передвигаться, перемножать в уме многозначные числа, играть в шахматы вслепую... Прочие члены группы были ему под стать, и Барченко ими по-отечески гордился – считал не столько младшими коллегами, сколько питомцами, требующими заботы и опеки.

Сам он за годы работы с необъяснимым тоже кое-что постиг: еще до революции овладел навыками гипноза, обучился некоторым духовным практикам у тибетских лам. Его кабинету в Главнауке позавидовал бы любой ценитель редкостей. Это был настоящий музей, наполненный предметами, привезенными со всех концов света. Палец Александра Васильевича украшало египетское бронзовое кольцо со скарабеем, свою личную печать он вмонтировал в рукоять кинжала, принадлежавшего когда-то майяскому жрецу, а чернильницей служил найденный на Ближнем Востоке камень с глубоким отпечатком раковины доисторического моллюска-аммонита.

В настоящую минуту Барченко был занят тем, что изучал монографию фольклориста Афанасьева «Языческие предания об острове Буяне», делал в ней пометки и что-то выписывал бисерным почерком на маленькие бумажные листочки. За этими трудами его и застал Вадим, любивший беседовать с шефом неформально, тет-а-тет.

– Присаживайтесь, Вадим Сергеевич. Вкушайте. – Барченко указал на малахитовый столик, где в тарелке, сделанной из нижней половины клюва мадагаскарского эпиорниса, высились горкой кубики рахат-лукума. – Сие лакомство мне намедни товарищ привез. Был в Китае, изучал там предания о драконе, будто бы в Небесном озере обитающем. На обратном пути к османам заехал, хотел на Арарат подняться, дабы Ноев ковчег поискать, но курды едва живота не лишили...

Вадим примостился за столиком и повертел в руке мяклый брусочек лукума. Сегодня он заглянул к начальству не праздну – имелась тема, требовавшая обсуждения.

Александр Васильевич первым нарушил повисшее молчание:

– С чего это вы вдруг про нечистую силу спросили, а? Никак Гоголя на ночь начитались?

– Нет... Просто из Клинского уезда слухи просочились.

Барченко оторвался от чтения, глянул пытливо.

– Это какие ж слухи, позвольте полюбопытствовать?

– Болтают, что в лесу тамошнем бесы завелись. Огни меж деревьев мерцают, тени снуют, звуки непонятные слышатся...

– Может, браконьеры лихоимствуют? – предположил шеф. – Завидовский бор живностью обилен, для дичекрадов самое раздолье.

– Как раз-таки браконьеры этот слух и р-распространили. Они теперь туда носа не суют.

Весть о клинской нежити Вадим получил от знакомого корреспондента газеты «Атеист» Мурина. Тому сплетню принесла кума из деревни Загорье, расположенной к северу от Москвы. Мурин в бесов не поверил, но подумал, что из разоблачения вредных баек получится хороший материал для ближайшего номера. Захватив с собой редакционный фотоаппарат «Лейка», он отправился на место. Переговорил с деревенскими – они наплели ему с три короба о ведьмаках, леших и прочей чертовщине, наводнившей окрестности. Посмеиваясь, Мурин пошел прогуляться.

Он загодя порылся в архивах и установил, что верстах в семи от Загорья, в дубовых и березовых дебрях, находится бывшее барское поместье. Каменный дом с трех этажей был выстроен в густолесье по прихоти статского советника Чучумова, увлекавшегося каббалистикой, ведовством и тому подобными гнусностями, порицаемыми церковью. Чтобы не вступать в конфликт с пастырями, Чучумов и удалился на отшиб, где в уединении, под покровом нависших над домом ветвей, проводил, как доносили случайные очевидцы, колдовские обряды, один поганее другого.

Все это деялось еще при царском режиме. Октябрьский переворот положил конец чучумовским мерзостям. Почувствовав свободу мужичье вооружилось кольями и пошло выгонять мракобеса из имения. Но Чучумов как в воду канул – следов его присутствия нигде не обнаружилось. Загорские бабульки шептались: вот оно, еще одно проявление дьявольского начала! Уговаривали земляков не трогать клятое логовище, убратся подобру-поздорову. Но мужики вошли в раж, особняк был разорен и по причине его удаленности от обжитых мест заброшен. Уже восьмой год он стоял, совершенно опустелый и никем не посещаемый. К нему-то и направил свои стопы дотошный репортер Мурин. А куда ж еще? Бабы наперебой твердили, что зло akurat оттуда, из покинутой домины, и проистекает. А насылает его все тот же Чучумов – в отместку за разбой и поругание.

Дойти до разграбленной усадьбы журналисту не привелось. Примерно в полуверсте от нее он углядел на занесенной снегом опушке чудо-юдо с пяти ногами, но без рук и, что еще страшнее, без головы. Верхняя часть туловища этого монстра представляла собой нечто вроде раздувшегося мешка с одним-единственным глазом, мертвенно поблескивавшим при свете луны. И еще Мурин различил подобие хвоста, тянувшегося за чудовищем по рыхлой пороше. Репортера, по его признанию, кинуло в дрожь, он хотел немедленно пуститься наутек, но профессиональный долг возобладал. Вскинув фотографический аппарат, Мурин сделал снимок и уже

затем, со спокойной совестью, задал стрекача, рассекая снеговые заносы, как эсминец океанские волны. Одноглазый дьявол, по-видимому, его не заметил – по крайней мере, в погоню не устремился.

Вернувшись в Москву, Мурин отчитался об увиденном перед главредом «Атеиста» и предложил направить в колдовские леса полноценную экспедицию, оснащенную научной аппаратурой и для надежности двумя-тремя пулеметами. Редактор обозвал его дураком и строго приказал завязывать с выпивкой, до которой, как ни прискорбно, Мурин действительно был охоч. Пристыженный корреспондент предъявил в свое оправдание сделанную на опушке фотографию. К несчастью, тогда уже сгустились сумерки, а воспользоваться блицем он не рискнул, поэтому фото вышло размытым. Словом, редактор доводам не внял, вклеил своему штатнику выговор и запретил упоминать эту бредовую историю не только в печати, но и устно. Мурин приказ проигнорировал и пересказал обстоятельства вояжа в Клинский уезд Вадиму. Он надеялся, что ОГПУ сумеет изловить одноглазого выродка и снять проклятие с заповедных лесов.

– Могу ли я узреть онный фотоэтид? – Барченко протянул руку, и Вадим передал ему полученный от Мурина снимок.

Изображение являло собой грязно-серое пятно. Мало того что не хватало света, так еще и снимал Мурин без штатива, руки тряслись, и картинка получилась смазанной. При наличии богатого воображения трактовать ее можно было как угодно.

Разглядывая фото, Барченко вещал с ухваткой завязатого проповедника:

– Ко всякой непознанной вещи, Вадим Сергеевич, надобно относиться вельми придирчиво. И прежде чем приписывать ей сущность сверхъестественную, надлежит поперед умишком пораскинуть: а вдруг сей феномен вполне себе земное толкование имеет?

– Как же так, Александр Васильевич? – допытывался Вадим. – Вы двадцать лет паранормальные явления изучаете и при этом не допускаете их наличия?

– Паранормальное паранормальному рознь, – изрек шеф и поморгал натруженными глазами. – Воля ваша, но в означенной абстракции ничего явственного разглядеть не могу... Разве что лупу взять?

Лупа в металлической оправе лежала на полке шкафа, далековато от орехового стола. Вадим приподнялся, чтобы помочь Александру Васильевичу, но тот опередил его: взял двумя руками мрачного вида фолиант в аспидно-черной кожаной обложке, выставил его перед собой, как икону, провел пальцем по корешку, и – что за диво! – лупа сама прыгнула с полки, пролетела добрых полтора метра и шмякнулась о переплет, повисела чуток и отвалилась.

Вадим протер глаза.

– А... Александр Васильевич, как это?.. Вы подчинили себе гравитацию!

– Бросьте! – Шеф задрал очки на лоб, вооружился приткой лупой и, склонившись над столом, стал изучать муринский фотодокумент. – Это спец из Остехбюро соорудили. Мощный электромагнит направленного действия, сухая углеродная батарея, чтобы за нужными приспособлениями не тянуться. Нажимаешь кнопочку – и милости просим... Прислали для испытаний. А в кожу это уж я сам его облек – чтоб из антуража не выбивался.

– И как? Удобная штука?

– Ничуть. Мороки с ней... Чаешь, к примеру, циркуль подцепить, а к тебе нож перочинный летит. Или того хуже – гвоздей целая стая... Словом, недомыслили они что-то с направленностью. Да и ни к чему эти финтифанты. Серьезным делом заниматься надо, а не растрачивать себя на разную чепуховину.

Вадим чувствовал, что критические стрелы направлены не только в спец из Остехбюро, но и в него самого. Слишком уж недоверчиво взирал Барченко на блеклый фотоснимок Мурина, водя над ним кругляшом пятикратной линзы. И чем дольше продолжался этот процесс, тем больше скептических складок собиралось на покатоном челе шефа. Наконец он отбро-

сил лупу на край стола, а фотографию брезгливо поднял за краешек и пихнул в огонек свечи, горевшей в шандале из слоновой кости. Пламя жадно побежало по бумаге, она пожелтела и стала скукоживаться.

Вадим понял: это приговор.

– По-вашему, враки? – спросил, упорствуя скорее по инерции.

– А вы как думаете? – Барченко укоризненно покачал головой. – Образованный человек, в университете обучались, а туда же – за чернью неразумной безлепицу повторяете. А этому вашему писаке из «Атеиста» я бы курс антиалкогольного лечения прописал. В Кабарду его, на воды! Пусть с месяцок нарзану попьет вместо горькой – авось перестанет ересь городить и людей смущать...

– А мне кажется, что-то во всем этом есть, – гнул свое Вадим и тут же был осажен.

– Экий вы упрямец! – Барченко начал раздражаться. – Я вам со всей ответственностью заявляю: присутствие нечистой силы в природе научно не доказано. Ежели и господствует под небесами нечто потустороннее, то зримых обличий оно не имеет, даже высокоточными приборами не всегда уловляется. Затем и создана наша группа, чтобы правду от вымысла, как зерна от плевел, отделить, и все надмирное на службу народу поставить... А в Лихо Одноглазое и кикимор болотных я, милостивый государь, не верю и вам не советую. Посему взываю к вашему благоразумию и по праву начальствующего налагаю на вас епитимью: будете завтра весь день мою картотеку европейских чернокнижников в порядок приводить. Давно хотел этим заняться, да руки не доходят...

Из кабинета Александра Васильевича Вадим вылетел пробкой – покуда осерчавший шеф не придумал еще какого-нибудь наказания – и спустился в буфет Главнауки. Там сидел, дожидаясь, Макар Чубатюк, шофер особой группы, бывший матрос, рубаха-парень. Он сжимал коряжистой лапищей подстаканник и цедил горячий чай.

– Что, не поверил? – пробасил Макар, увидев унылую физиономию приятеля.

– Не поверил... – Огорченный Вадим сел напротив. – Еще и картотекой завтра заниматься заставил.

– Едят тебя мухи! Видать, допек ты Силича, раз он так вызверился. А я тебе говорил: не лезь в пузырь! Заройся в мох и плюйся клюквой.

– Да как же не лезть, Макар? – Вадим грохнул кулаком по замасленной столешнице. – Я нутром чую – Мурин не врет. Представь себе: вдруг там, под Загорьем, и вправду аномальная зона? Ее исследовать надо, уровень опасности для населения определить... А я тут буду над средневековыми шарлатанами корпеть?

Макар отхлебнул еще чайку. На его великанской руке, державшей подстаканник, виднелась наколотая надпись «Все там будем», рядом с которой синело изображение, очертаниями напоминающее ленинский Мавзолей.

– Мурин твой – хомяк небритый. Кефиром надышался и пошел пустыню пропалывать... А ты и уши развесил.

– Ясно. – Выведенный из себя нахлобучкой шефа, а теперь еще и шуточками друга, Вадим встал из-за стола. – Не хочешь помогать, перебьюсь.

Он повернулся, чтобы уйти, но Макар, чуток приподнявшись, дотянулся до его плеча своей граблей:

– Эх ты, дичь покорябанная... Не шевели мозгами – перемешаются. Харэ воздух пинать, говори, что делать.

Вылазку в лес, где завелась нечисть, наметили на послезавтра. Весь следующий день Вадим добросовестно глотал пыль, рассортировывая завалы картонных квадратов, испещренных каракулями шефа и сваленных как попало в ящичках старомодного бюро. О вчерашнем он не заговорил ни разу, сделав вид, будто внял увещаниям и выкинул вздор из головы.

Провозился почти до полуночи. Александр Васильевич выполненным заданием остался доволен и, когда Вадим попросил выходной, возражать не стал.

Под разными предложениями отпросились еще трое: Макар, доктор-мануал Готлиб Фризе и Пафнутий Поликарпов по прозвищу Гудини, славившийся умением высвобождаться из любых оков и герметически закрытых вместилищ. Все они влились в особую группу еще до Вадима и отлично себя зарекомендовали. На предложение произвести разведку в подмосковных рощах и вывести нелюдей на чистую воду откликнулись с готовностью, хотя выразили сомнение относительно законности такой экспедиции.

– От Алексан Василича нагоняй потом получим мы, – поскреб окладистую бороду Пафнутий.

Он происходил из семьи новгородских сектантов-отшельников, исповедовавших какую-то диковинную религию, и изъяснялся иногда довольно экзотично, расставляя слова в обратном порядке.

– Зер шен, герр Арсеньефф... но я полагайт, что не есть гут уходить без ведом герр Барченко, – выразил свое мнение Фризе.

– Знаю, что «не есть гут», – огрызнулся Вадим, – но если мы поставим его в известность, то, р-ручаюсь, он никуда нас не отпустит.

Они подискутировали с четверть часа и сошлись во мнении, что ничего криминального в задуманной поездке нет. Подумаешь, выбрались компанией отдохнуть от столичной суеты! Попадется вражья погань – обезвредят, как велит служебный долг. Не попадется – скоротают свободный денек в собственное удовольствие. Пафнутий захватил удочки, наживку и топор – прорубать во льду лунки. Он был заядлым рыбаком и утверждал, что в Сенежском озере, на берегу которого стоит Загорье, можно наловить знатных окуньков.

Почему Вадим отобрал для предстоящего похода именно этих троих? Кандидатура Макара не подлежала сомнению. Титан с геркулесовой силой, механик-виртуоз, человек-камень – с таким хоть в огонь, хоть в воду. Пафнутий мог пригодиться при обследовании чучумовских хором. Они, вернее всего, обветшали, да и народец постарался – поломал, покорежил. Возможно, понадобится пробираться сквозь завалы и узкие щели. Гуттаперчевый новгородец будет очень кстати. Что до угрюмого Фризе, то его дурной характер компенсировался врачебной одаренностью. Вадим не старался внушить себе и тем более друзьям, что экспедиция сопряжена с риском, однако осторожность никогда не помешает. И справный медик должен быть под рукой.

Утром 6 января сели в почтово-багажный поезд, шедший в сторону Ленинграда, и доехали до станции Подсолнечная. Для соблюдения конспирации нарядились в штатское и прихватили с собой ящик «Столового» пива. Всю дорогу они пили эту темную бурду, произведенную Тулспирттрестом, заедали сушеной воблой и травили анекдоты. Ни дать ни взять бездельники, привыкшие транжирить драгоценное время.

В поселке Солнечная Гора ушлый Макар ухитрился раздобыть аэросани «Бе-Ка», хранившиеся в сарае у одного запасливого дядьки еще со времен Гражданской. Макар взял их напрокат, пообещав вернуть в целости. По зимнему бездорожью этот «лыжный автомобиль», как его называли до революции, был незаменим.

Чубатюк сел за руль. Затарахтел бензиновый двигатель, завертелся огромный винт, и моторизованные санки за считанные минуты домчали всю четверку до Загорья, отстоявшего от Солнечной Горы всего на пять верст. Здесь немного передохнули, дожевали воблу. Оставшееся пиво Вадим безжалостно вылил на снег.

– Головы нам нужны трезвые. А то скажут, что мы, как Мурин, бельмы залили и нам черт-те что привиделось.

Макар с Пафнутием высказали сожаление по поводу загубленного добра, на что баварец Фризе презрительно хмыкнул:

– Это не есть добро. Это есть фу! Приезжайт Мюнхен, пить настоящий пиво... Дас вундершен!

– Помолчал бы уж, ешкин дрын! – патриотично срезал его Чубатюк. – Навидался я на войне этих ваших колдырей! Вылакает граммульту, и рожа – как у китайца-пчеловода... А туда же – нация культурных алконавтов! Не умеешь пить – не хрюкай, едрить твою горбушку!

Вадим поспешил прекратить назревавший межнациональный конфликт. Оставив Макара с Пафнутием сторожить аэросани, он вместе с недовольно сопящим немцем направился к черневым поблизости избам.

Диалог с сельчанами не заладился. Они выглядели напуганными, на заезжих смотрели с подозрением. Вадим подумал, что виной тому «Бе-Ка» – дымящая и грохочущая повозка, нарушившая патриархальную тишину Загорья. Но вскоре ему стало казаться, что всеобщая боязнь в деревне зародилась не сегодня и достигла уже хронической стадии.

Чтобы сподвигнуть загорцев на разговорчивость, Вадим щедро совал чумазым детишкам медяки, а взрослым сулил премию в червонцах, если кто покажет гостям места на озере, где можно рассчитывать на богатый улов. От рыбалки плавно перешли к охоте. И тут Вадим пустил пробный шар – прикинулся дуриком и как бы невзначай упомянул обобраный лесной дворец. Дескать, толкуют, будто Чучумову удалось своими обрядами зверье приворожить, да так крепко, что оно и по сей день не уходит, шастает вокруг пустого дома. Как бы туда подбраться? Коли сыщется проводник – ему наивысшая награда. И цифру огласил такую, что у деревенских должно было дух захватить. С их доходами эдаких деньжищ и в полгода не увидишь, а тут в одночасье...

Однако реакция вышла обратная. Прознав, что чужаков манит треклятая усадьба, загорцы накинудись на них с дубьем. Вадим с Фризе насили ноги унесли, отделавшись всего двумя-тремя ссадинами, что следовало признать удачей.

К товарищам вернулись несолоно хлебавши. За околицей им повстречался паренек лет четырнадцати, в больших сапогах, в полушубке овчинном. Он вел под уздцы сивую лошадку, которая тащила с недалней вырубki хворосту воз. Паренек оказался единственным из деревенских, кто не отпрянул в ужасе при упоминании Чучумова. Напротив, очевидно было, что он и сам проявляет интерес к данному вопросу – шепнул доверительно, что обучен грамоте, запоем прочел книжку про графа Дракулу и страсть как хотел бы воочию посмотреть на вурдалачью обитель.

– Р-разве Чучумов – вурдалак? – уточнил Вадим. – Нам говорили, что он волшеббой занимался, но касательно кровопийства – нет...

Паренек посмотрел на него, как на невежду, и снисходительно пояснил, что все колдуны – суть кровопийцы. Это он узнал еще раньше, благодаря обрывкам готического романа, спасенным из соседского уличного сортира.

– Эх ты, сельдерей ушастый! – пожурил его Чубатюк. – Читал бы лучше Чуковского...

Подросток набычился, но Вадим сделал Макару упреждающий жест и достал из кармана гривенник. Поощренный таким образом недоросль лезть в бутылку не стал и разразился длинным монологом о чудесах, которые наблюдал в примыкавших к Загорью лесных массивах. В поисках тропы к чучумовскому логову он исходил немало верст, бесстрашно пробирался через буреломы и пару раз становился свидетелем непознанного. Видел мельтешащие за деревьями огоньки, людей, которые вели по просеке подводы, груженные черными гробами. Слышал наводившие жуть завывания, доносившиеся из сердцевины леса. А с недавних пор на озеро повадилась прилетать ночами невиданных размеров птица. Рассмотреть ее в деталях не представлялось возможным, так как являлась она всегда в самое темное время суток и садилась на воду далеко от берега. Паренек божился, что величиной она в разы превосходит все известные ему разновидности пернатых и в полете издает утробный рык.

– Случайно, не аэроплан ли? – высказал догадку Пафнутий.

Паренек снова оскорбился, заявив, что аэропланы он знает. Они выглядят совсем по-другому, и для них нужны аэродромы, которых близ Сенежского озера в помине нет. И еще. Одержимый искательским зудом, он облазил все побережье и нигде не видел следов от шасси. А крылатая тварь продолжает периодически наведываться, в последний раз прилетала накануне. Деревенская ворожея баба Марфа, по многочисленным просьбам общественности, проводила сеансы черной и белой магии, сыпала на воду пепел, бубнила заговоры, жгла куриный помет, но не помогло – к жалким знахаркиным чарам сатанинская птица оказалась невосприимчива.

– Так, значит, дорогу к дому Чучумова ты не знаешь? – прервал Вадим словоизлияния, грозившие затянуться до вечера.

Парнишка сконфуженно признал, что до вожаемой цели так и не добрался. Попытки вызвать дорогу у деревенских промысловиков неизменно наткнулись на сокрушительный отпор и оборачивались для просителя порцией березовых розог. Отрок заверил, что и пришедшим никто ничего не подскажет. Расспросы о Чучумове ввергают всех в трясучку и могут привести к непредсказуемым последствиям.

В подтверждение этих слов с вырубки выбежали трое бугаев, один из которых сжимал в руках охотничью берданку, а двое других потрясали колунами. Увидев их, малец струхнул, рванул лошадь под уздцы и засеменял прочь так шустро, что хромоногая кляча едва за ним поспевала.

Бугаи свернули к аэросаням с явным намерением разнести их в щепы, а группку любопытствующих превратить в винегрет. Макар не прочь был схлестнуться с ними, но Вадим отговорил. Вступать в свары с туземцами – себе дороже.

Они погрузились и отъехали подальше, не теряя, однако, деревни из виду. У поваленной осины приостановились и стали держать совет.

– Дас ист унемклих! – бурчал оскорбленный немец. – Варвар... Ми ничего не сделает, они нас колотить... За что?

– Вот же вареники контуженные! – в кои-то веки поддержал его Макар. – Чтoб их в толчок мочалкой засосало... В какую сторону нам теперь помидорами ворочать? Лес вокруг – на сотни десятин!

Вадим собирался с мыслями, но откуда ни возьмись появился невысокий сутулый старик – внезапно как из-под земли вырос. И до чего чудной! Шапчонка круглая, как шляпка гриба. Из-под нее волнами седые волосы выбиваются. Борода тоже седая, с прозеленью, точно лишайник в нее вплелся. Глаза подслеповатые, прижмуренные, кожа вокруг них белая и с крапинками, словно береста на березе. Из одежды – длинная, до пят, шубейка, расшитые узорами рукавицы, лапти. В правой руке – батог, окованный понизу железом, чтобы не скользить. Короче говоря, не человек, а иллюстрация к сборнику русских народных сказок.

– Эй, папаша, ты че, от Мейерхольда сбежал? – спросил его вместо приветствия не очень-то галантный Чубатюк.

– Странник я... по свету хаживаю, людей уму-разуму учу, – прожурчал старик распевно, с пришепетыванием.

– Научить нас можешь ты чему? – поинтересовался Пафнутий, озадаченно оглядывая незнакомца.

Старичок подмигнул ему, осклабился.

– Слушок до меня дошел, что вы дорогу к чучумовской заимке шукаете. Могу подсказать.

– Серьезно? – Вадим расцвел и нацелился в порыве благодарности заключить доброхота в объятия, но остерегся. – И проводить можешь?

– А не испугаетесь? – вопросом на вопрос отвечал старик, и его по-азиатски сощуренные глазки под белесыми бровями сжались в совсем узенькие щелочки.

– Бояться нам чего? – фыркнул Пафнутий с пренебрежением. – Люди пуганые мы.

Вадим сообразил, на что намекает престарелый бродяга, и взялся живо расспрашивать:

– Неужели все эти басни про нечистую силу – правда? Ты сам что-нибудь видел? Р-расскажи!

– Басни? – Старик затрясся в мелком беззвучном смехе. – Басни у Крылова были, а я вам истину глаголю. Про лоскотух слышали? Они возле озер живут, таких как это... – Он указал скрюченным пальцем на Сенежский водоем. – Оглянуться на успеешь, как до смерти защеко-чут... А еще волколаки рыскают. С ними и вовсе беда: смотришь – был человек, а стал волк. Ну, про Огненного Змея вы, чай, и без меня знаете...

Издевается? Или сумасшедший? Вадим буравил глазами старикашку, который, как заметил Макар, смахивал на актера, сбежавшего из театра. Залезть бы ему в голову! Но старичок оказался гипнотически неподатливым – балагурил себе как ни в чем не бывало, сыпал персонажами из славянской мифологии.

– А еще мавки здесь водятся. Это тоже навроде русалок, но злющие – спасу нет! Они из заложных покойников выходят...

– Из кого? – переспросил Пафнутий.

– Из тех, что не своей смертью померли: самоубийц, пьянчуг, утопленников...

– Слухай, папаша, – подал голос Чубатюк, которому надоела затянувшаяся лекция. – Зачехли насос и громоздись сюда. – Он хлопнул заскорузлой ладонью по корпусу аэросаней. – А то наваял тут сорок бочек арестантов, у меня от твоего базара уже унты всмятку...

Старик был, судя по всему, не из робкого десятка – он не заставил себя упрашивать и с помощью все того же Макара угнездился на переднем сиденье, сбоку от руля. Самое удобное место для штурмана. Прочие тоже расселись, Чубатюк завел мотор, и ревущая повозка углубилась в лес.

Был день, до наступления темноты оставалось часа три. Вадим рассчитывал за это время доехать до анафемского поместья, пошерудить там и возвратиться в деревню. Чем больше заливал старик, тем прочнее становилась уверенность, что никаких мавок и волколаков в здешних лесных угодьях не существует. Прав Александр Васильевич: враки это. Вредоносные предрассудки, специально пущенные в народ, чтобы смутить несознательные массы, вызвать брожения, а то и спровоцировать беспорядки. Не иначе это хитроумный план, сработанный в западной империалистической среде. А разносят ахиною такие вот благообразные калики, которым низшие слои особенно доверяют. Потому и глядится этот бородач таким неестественным, что никакой он не странник, а засланный белоэмигрантский шпион.

Вадим принял решение дождаться конца пути, посмотреть, какие доказательства приведет аксакал в подтверждение своих бредней, а там уж задержать его и доставить на Лубянку – пусть разбираются. Не исключено, что потянется от него ниточка, которая позволит вскрыть опасный заговор. Вот и будет оправдание сегодняшнему отгулу. А все потому, что тов. Арсеньев революционную бдительность проявил, не отмахнулся от досужих рассказней, самолично все проверил.

«А как же Мурин?» – пискнул внутренний голос. Его-то к несознательным никак не отнесешь: учился в Казани в одни годы с Владимиром Ильичом, философскую брошюру написал... Но Вадим не стал затевать спор со своим альтер эго. Объяснений при желании найдется сотня. Злоупотребление алкоголем – самое простое, что приходит на ум. А если копнуть глубже? Кто поручится, что Мурин не вступил в сговор со смутьянами? Может, и его тоже используют для одурманивания советских граждан? «Атеист» – издание авторитетное, его собкорам доверяют, к их мнению прислушиваются...

– Не лучший вы денек выбрали, чтобы к Чучумову скиту идти, – разглагольствовал между тем словоохотливый старик, перекикивая шум двигателя.

– Не лучший почему же? – не согласился Пафнутий. – Сносный с утра морозец, нет почти ветра, солнышко...

– Солнышко опосля обеда закатится. А ветер и мороз... Не в них дело. Нониче Сочельник, завтра Рождество. Столько всякой пакости в мир выползет – не сосчитаешь! Упыри, вештицы, водяные... Для них Святочные деньки – самое раздолье! Вы хлеб с чесноком захватили?

– Нихт хабэ... Я не голодайт, – пожал плечами Фризе, сидевший позади старика. – И я не кушать вюрцигерс... острое... Оно вредит желудок.

– Я не про еду. Хлеб с чесноком на нитку нижут и вместо бус вешают, чтобы нежить близко не подходила, – просветил германца мнимый странник. – Правда, от Верлиоки этим не спастись. Его даже серебряная пуля не берет.

– Верлиока? Кто это?

– Как? – подивился старец. – В заколдованный лес едете, а про Верлиоку не слыхивали? Это наиглавнейшее зло... Ежели в натуральном виде вам явится, вы его сразу узнаете. Нос крючком, борода клочком, усы в пол-аршина, на голове щетина. Об одном глазе и костылем подпирается. Но в том и закавыка, что он в любую личину умеет рядиться. Захочет – красной девицей обернется, захочет – дитятей, а захочет – статным молодцем или ветхой старухой. Умеет и в зверей оборачиваться, и в птиц. Поди уследи!

– Грозен он чем же? – любопытствовал Пафнутий, который единственный из всех слушал старикову бредятину с неослабным вниманием.

– А это уж от его настроения зависит, – откликнулся рассказчик и погладил мшистую бороду. – Может и с миром отпустить, а может в гущу заманить, да так, что будешь в трех соснах плутать и не выберешься...

Бреши-бреши, думал Вадим. Быть тебе сегодня же в кутузке за антиматериалистическую пропаганду. В ОГПУ визнают, от кого ты этой галиматши набрался и под чью дудку пляшешь!

Лес вокруг становился плотнее. Макар проявлял всю свою водительскую сноровку, лавируя между тесно стоящими деревьями.

– Ист дас вайт? – спросил Фризе, обеспокоенно крутя головой. – Далеко еще ехаль?

– Останови-ка, милоч, – попросил старик Чубатюка. – Осмотреться надоть.

Аэросани затормозили близ гигантской ели, взвихрили снежный пух. Старикан перевалился через борт, стал озираться, гундеть под нос что-то похожее на заклинания и чертить батоном на белом полотне не то руны, не то китайские иероглифы. Чубатюк переглянулся с Вадимом и покрутил пальцем у стриженного виска.

– Папаша, тебе, часом, шапка на башке мозоль не натерла?

– Что? – Старичок встрепенулся. – Ах да... Едем дале.

Он снова втокнулся в тесную кабину и показал батоном вправо:

– Вон той ложбинкой и прямо, прямо... Иначе не проехать.

Макар, хоть и демонстрировал всем своим видом, что относится к провожатому с недоверием, послушался, повел «Бе-Ка» указанным маршрутом. Проехали еще немного, и старик опять попросил остановиться. Исполнил подле аэросаней нечто вроде ритуального танца, трижды стукнул батоном по широким полозьям и уверенно показал налево:

– Вот тамочки, через взгорок. Уже близехонько, не переживайте!

Аэросани, натужно гудя, вскарабкались на горюшку и вдруг встали как вкопанные. Мотор, доселе работавший исправно, заглох.

– Мышь полосатая! – выругался Макар. – Что случилось?

Он дергал рычаги, жал на педали, но машина словно омертвела. Чубатюк, костеря всех и вся, вылез из кабины и взялся осматривать двигатель.

– А у вас что, седалища смолой намазаны? – буркнул он на сотоварищей. – Помогайте!

Сани увязли лыжами в снегу, он мешал пролезть под днище. Макар велел всем притоптать рассыпчатую крупу, а сам взял небольшую лопатку и высвободил засевший в сугробине пропеллер. Работали молчком, каждый прокручивал в голове возможные последствия аварии. Положение виделось безрадостным. Заехали далеко, окрест – ни единого жилья, весть тоже

не подашь, а топать назад по такому зыбучему сееву – ноги отвихляешь. Обратный путь до Загорья растянется на многие часы, а то и на сутки.

– Ну что там? – подлез Вадим к Макару, копавшемуся под брюхом «Бе-Ка».

– Полный кизяк! – констатировал Чубатюк, который был мрачнее тучи. – В топливном шланге дыра с полтину. Вся горючка вытекла, моб твою ять!

– На сук напоролись?

– Да на каких сук?! Салазки свои разуй: шланг в оплетке, его разве только шкворнем прошибешь. Диверсия!

– Старик! – ахнул Пафнутий. – Наконечник железный на палке у него – видели?

– Жеваный крот! – заревел Макар и сжал кулачищи. – Где он? Я ему щас сиду на пику натяну и крякать заставлю! Верблюды плюгавый, мацепурик анисовый...

Стали искать коварного чичероне, но того как корова языком слизала. Пока все были заняты делом, он незаметно скрылся.

– Понимайт! – возопил Фризе. – Он нас тащил глушь... маниль и бросаль! Доннер веттер!

Вадим заскрипел зубами.

– Иван Сусанин... твою в дышло! Попадись мне только...

Снег на холме был истоптан, к тому же мешали заросли. Убили бездну времени, прежде чем отыскивали нужное.

– Пошел туда он! – прокричал Пафнутий, разглядев на склоне цепочку вмятин от лаптей и батога.

– Догоним! – хищно оскалился Макар. – Кто за баранку?

– Смысл? – вяло проворчал Вадим. – Бензина же нет...

– Садись, свинячья петрушка! И вы полезайте!

В этот миг татуированный матрос был так страшен, что его не посмели послушаться. Все набились в кабину, Вадим вцепился в руль. Чубатюк схватился обеими руками за раму и развернул сани в ту сторону, куда ухромал подлый старый хрыч.

– Берегите черепушки! Раз, два... взяли!

Макар богатырским плечом поддал в корму, и аэросани сами собой покатались с горки. Скорость сперва была невелика, Чубатюк намеревался догнать машину и вскочить в люльку, но утоптанная площадка кончилась, он провалился в белую трясину, а снегоход с каждой саженью все увеличивал быстроту, скользил по скату.

По обе стороны от Вадима замелькали березы, дубы, елки, сосны – все заиндевелые, с искристыми нащепками на ветках.

– Правь! Правь! – надрывался сзади Чубатюк, речь которого в одночасье лишилась цветистости. Форс-мажор, не до словесных вывертов.

Вадим правил как мог. Крутил руль так размашисто, что чуть локти себе не вывихнул. Машина выписывала на склоне головоломные зигзаги, какие и не снились мастерам бобслея на прошлогодней Олимпиаде в Шамони. Поскольку мотор не работал, слышен был лишь скрип полозьев, надсадный и зловещий. Снежная крошка вылетала из-под них, реяла в морозном воздухе полупрозрачной кисеей. Деревья мелькали все быстрее, скорость нарастала. Бугор оказался куда выше, чем можно было предполагать, и склон никак не заканчивался.

Вадим увидел, что сани несет прямо в густой ершистый ельник. Он отвернул вбок, но сделал это слишком порывно, не рассчитал, и разогнавшийся агрегат врезался точнехонько в кряжистый дуб. Хряск, звон, синхронные вопли седоков. Вадима шандарахнуло грудью о рулевое колесо, в глазах помутилось, сверху посыпалась труха: мелкие веточки и ошметки сухих, не опавших по осени листьев.

– Беклопт аршгезихт! Думкопф, шайссе! – Это собачился на немецком доктор Фризе. – Обер арш!

Последние два слова, насколько помнил Вадим, означали «полная задница». И это следовало признать подходящим определением для создавшейся ситуации.

Передок «Бе-Ка» расплющился о дубовый ствол, как яйцо, которым с размаха шваркнули о столешницу. Корпус прогнулся, полозья разошлись, воздушный винт разломился на три части, маслопровод сочился желтой, густеющей на холоде жижей.

– Что живы все, счастье еще, – промолвил Пафнутий со стоическим хладнокровием.

Вадим с натугой отжал от себя вдавившийся в ребра руль и кое-как выпростался из кабины. Он потер ушибленную грудную клетку, поворочал головой. Кости вроде не пострадали, крови не видно. Считай, отделался легко.

То же можно было сказать и о его спутниках. Пафнутий посасывал оцарапанный палец, немец прикладывал содранную с коры дуба льдинку к шишке на лбу, но в целом все обошлось относительно благополучно.

К ним, бразды пушистые взрывая, подгреб пытящий, как паровоз, Чубатюк.

– Ну ты и чухоблох! – с ходу наградил он Вадима смачным эпитетом. – Ворона пляжная, круглопер банановый... Сказано было: плошки раззявь, зырь, куда едешь!

Макар отчитывал скорее для проформы, тон его звучал неизбежно. Понятно же, что сани без движка, катящиеся по инерции с крутизны, – не самое маневренное транспортное средство. Совладать с ними мудрено было бы даже бывалому шоферу.

И чего жалеть о разбитой машине? Проку с нее без горячего все равно никакого.

– Доф хурэнзон! – обозвался, затухая, Фризе и отломил от дуба еще одну ледышку.

Чубатюк быстро осмотрел грудку металла, в которую превратился «Бе-Ка», и резюмировал:

– Ну все, крепи седло! Накрылась старая команча...

– Нести ответственность материальную нам за нее? – осведомился с беспокойством Пафнутий.

– Да шут с ней, с ответственностью! – отмахнулся Вадим. – Р-решим после... Мы про старика забыли. Что-то я и следов уже не вижу.

Как назло, минутами ранее повалил обильный снегопад. Растущий свежий покров скрадывал все, что доступно было взору еще совсем недавно. Для очистки совести побродили вокруг дуба и бранных останков «Бе-Ка», но определить, в какую сторону подался вероломный дед, так и не сумели.

– Вот гребень укушенный, выжарка кошачья! – изливал оскорбленные чувства Макар. – Опупенец кривоногий, чучело с раздачи... Найду – в трехлитровую банку с кабачками закатаю!

– Ладно, уймись, – прервал Вадим поток буйного красноречия. – Нам сейчас важнее определиться, что делать дальше. Похоже, он и правда нарочно нас сюда завел. Скоро стемнеет, до Загорья нам и к завтрашнему утру не дошлепать.

– Зябко! – Пафнутий натянул на голову капюшон меховой парки, которую купил в начале зимы у одного чухонца и носил вместо шубы. – Не просидеть ночь тут нам. Околеет!

Резон в его словах, несомненно, был, однако никто и не собирался торчать под дубом до окоченения. Вадим, рассудив, что немедленное возвращение в деревню будет, во-первых, затруднительным, а во-вторых, бесславным, предложил двигаться дальше в глубь леса. По его прикидкам, направление во время езды они держали верное, и до усадьбы Чучумова оставалось версты полторы, не больше. Делая такой вывод, он руководствовался не только интуицией. Наметанный глаз подмечал тут и там трухлявые пни с ровными спилами. Много лет назад в этих местах заготавливали дрова. Жителям Загорья забираться так далеко от деревни не было необходимости, а другие селения поблизости отсутствовали. Кому же понадобились дровишки? Знамо дело, тому, кто обитал рядом. Кроме Чучумова, некому.

– Пойдем по этим пням. Они приведут нас к поместью. Какая-никакая крыша. Переночуем и заодно проверим, не засела ли там какая вражина. А завтра с рассветом тронемся обратно.

– Крыша в доме есть ли? – усомнился Пафнутий. – Разгромлен давно уж он, не осталось, глядишь, и стен там.

– Дрейфишь, что ли, сопля мраморная? – напустился на него Макар. – Если кто и есть, я ему жилы через уши вытяну и в такую окрошку порубаю, что ни один коновал не соберет. Он у меня живо свое гнилое жало закусит и по швам расплзется... Понял?

Но Пафнутий не унимался.

– Ждет погибель нас! Этот старик – Верлиока и есть! – Он настолько разволновался, что заговорил нормальным языком: – Видели, каков из себя? Борода, волосы, глаза хитрющие... У Верлиоки лиц много, в кого угодно оборотится. Пронюхал там, в деревне, что мы его ищем, и персонально к нам явился...

– Спокойно, хрящ! – снова завелся Макар. – Неча прежде времени копчиком в кадык стучать. Ты меня знаешь! Если мне кто не по нраву, я ему баклагу отдеру и до китайской границы футболить буду.

– Натюрлихь... – встрял доктор, которому хотелось внести свою лепту в обсуждение животрепещущего вопроса. – Ихь не сомневайся в ваш бицепс, но герр Пафнутий говорил истинно. Дэр копф... – Он снял ушанку и потыкал себя пальцем в розовую плешь. – Голова в петля совай – ист феликий глупост!

Перебранка затягивалась, Вадим набрал в легкие побольше воздуха, чтобы прикрикнуть на спорщиков, но тут издалека, из-за куп деревьев, донесся странный, дважды повторившийся звук:

– У-га! У-га!

Это был человеческий голос, но произносил он что-то невразумительное, похожее не то на призыв маленького ребенка, которому не терпится привлечь к себе внимание, не то на выкрик охотника, подражающего птице или зверю.

– Тихо! Слышите?

Вадим вскинул руку. Все застыли, наострив уши.

– Не слышать ничего, –дохнул паром Пафнутий, постепенно возвращаясь в свою речевую колею. – Примерещилось, может, тебе?

– Не примерещилось... У меня слух тоньше. Вот! Теперь слышите?

– У-га! У-га! – прозвучало громче.

– Слышаль! – насторожился Фризе. – Вас ист лос? Кто кричал?

– Мыслию я, что это старик над нами потешается. – Макар подтянул рукава бушлата и кровожадно оскалился. – Где этот тушкан яйцеголовый? Чтоб ему икалось и чихалось... Хренопотам булочный, ляжка потного мустанга, сейчас ты у меня огребешь!

Рассерженный Чубатюк двинулся напролом, через покрытый инеем кустарник и снеговую целину, но Вадим ухватил его сзади за пояс.

– Постой! Тут намело в два р-роста... Утонешь!

Макар призадумался, но ненадолго. Он подошел к тулову «Бе-Ка», упер в него свои руки-бревна, поднапрягся и опрокинул. Аэросани перевернулись навзничь, беспомощно растопырив раскоряченные полозья. Чубатюк выкорчевал сначала одну лыжу, затем другую, поставил их рядом на снежок, примерил к своим слоновьим ступням. Сняв ремень, он ножом располовинил его, примотал ноги к полозьям мудреными морскими узлами и прокряхтел с довольной миной:

– Годится! Кто со мной?

Дружба крепкая не сломается. Поперли все трое, но Макар выставил, как преграду, исполинские ладони.

– Ша! Куда лезете, карданный вал вам в заднюю дверцу! Буцефал не выдержит четверых.
– Боливар, – заикнулся Вадим. – Двоих.

За что был обозван «балконной рухлядью» и послан в такую даль, что отсюда без телескопа не разглядеть.

Кинули жребий. Идти с Макаром выпало Пафнутию. Он даром что ныл и пророчил насчет Верлиоки, моментально вскочил на полозья позади Чубатюка и уцепился за бушлат. Макар выломал из рамы аэросаней длинную железяку, оттолкнулся ею, как лыжной палкой, гикнул, и диковинный тандем заскользил прочь. Секунда-другая, и он растворился в метельной взвеси.

– Гуте райзе, – выдавил из себя немецкий доктор и проглотил застрявший в горле комок. – Частливи пут!

Вадим ощущал примерно то же, что и Фризе: неловкость, стыд, тревогу. Люди, которых он считал собратями, смело ринулись навстречу неизвестному злу, а он сидит в тылу, ждет у моря погоды и бездействует. Чтобы хоть как-то развеять меланхолию, он надумал перекусить. В развороченном нутре аэросаней обнаружилась жестянка так называемой саморазогревающейся тушенки – придумка русского инженера Федорова времен мировой войны. Вадим провернул слегка заржавевшее днище, в плоском резервуаре негашеная известь вступила в реакцию с водой, и за считанные минуты жестянка нагрелась. Ее вскрыли ножом. Вадим вынул по-солдатски спрятанную за голенище ложку, ковырнул ею теплое, пропахшее лаврушкой и перцем мясо.

Фризе, яро отстаивавший все германское, для российской тушенки сделал исключение. Он ее обожал. Вот и теперь уплетал с аппетитом, причавкивал и приговаривал:

– Гут шмэкен... вундершен... Кароший еда! Отчен кароший!

Хлеба в закромах не оказалось, отсутствовали и сколько-нибудь удобные сидячие места, поэтому пришлось расположиться на обломках аэросаней. Жестянку вместе с ложкой передавали из рук в руки, но это не помешало умять импровизированный обед с аппетитом, чему в немалой степени способствовал испытываемый обоими стресс. Уже доскребая последние волоконца мяса, Вадим подумал, что надо было бы оставить и товарищам. Хотя, кажется, в походном вещмешке есть шмат соленого сала. Сегодня с голоду не пропадут, а завтра... Что будет завтра, ведают только лесные духи, если они тут все-таки водятся.

Прошло не менее получаса с тех пор, как укатили в морочную даль Макар с Пафнутием. Установилась тишь, если не считать мягкого шелеста опускающихся снежинок. Вадим сторожко прислушивался, но не улавливал ни угаканья, ни поскрипывания снега под ногами.

Ждать стало невмоготу, Фризе проявил нетерпение.

– Ви ланге? – прокаркал, нахохлившись, как большой недовольный сыч. – Долго ждаль...
Надо идти.

– Думаете, с ними что-то случилось? – Вадим спросил не Фризе, а скорее себя. И себе же ответил: – Да. Все это очень подозрительно... Надо идти.

Они пошли. Хрупкие звездочки все еще сыпались из низких облаков, но уже не так густо. Вадим надеялся, что к ночи погода установится.

Смеркалось, белые шали деревьев темнели, гасла их радужная разноцветность, ласкавшая взоры при дневном освещении. Фризе достал из кармана переносной фонарик, но включать пока не стал, экономя энергию. Вадиму, шедшему впереди, было безразлично, день сейчас или ночь, он подстраивался к любым световым условиям.

Широкие полозья под весом двух человек, один из которых тянул на добрый центнер, продавили глубокую лыжню. Она в некоторой мере облегчала ходьбу, но все же не была достаточно твердой. Стопы то и дело грузли в сыпкой каше, вследствие чего скорость продвижения оставляла желать лучшего.

– Вир зухэн... – выдохнул Фризе и рукавицей промокнул потное лицо с фельдфебельскими усиками. – Куда они девалься?

И тотчас судьба послала ему ответ.

– Сюда! – разнесся над притихшими кущами вопль Пафнутия. – Здесь я!

Он шкандыбал навстречу, ломал в смятении лыжню, по-лосиному выволакивал валенки из месива.

– Почему ты один? – еще издали выкрикнул Вадим. – Где Макар?

Пафнутий, совсем изнемогший, присел на пенек и расстегнул ворот.

– Макара нет... Провалился... сквозь землю...

– Как?!

Пафнутий, перескакивая с пятого на десятое, поведал, что приблизительно в версте от разбившихся аэросаней полозья наскочили на предательски выпершую корягу и пришли в негодность. Макар сделал наобум еще с десяток шагов и ухнул в преисподнюю, вернее, в неожиданно разверзшуюся черную дыру. Пафнутий подполз на четвереньках к ее краю, заглянул, но ничего не увидел. Он позвал друга, опустил вниз железку от «Бе-Ка», но все это успеха не имело. Чуть обождав, побежал назад за подмогой.

Ошеломленный услышанным, Вадим сгреб Пафнутия за шиворот.

– Где эта дыра? Веди!

Дыра оказалась провалом аршина два в поперечнике и чернела на белом фоне, словно раскрытая пасть неведомого Левиафана. Вадим достал револьвер, убедился, что патроны в барабане, и просунул руку во тьму.

– Макар! Макар, ты живой?

Молчание. Фризе протянул фонарик, но Вадим отрицательно помотал головой.

– Я и так увижу.

Встав на колени, он знаком приказал Пафнутию держать. Тот кошкой вцепился в суконное пальто, и Вадим с опаской опустил голову в пугающую прореху, мысленно сравнивая себя с цирковым дрессировщиком, чью шею могут запросто перекусить львиные клыки. Но сию же секунду забыл о себе, потому что увидел метрах в трех внизу серый пол, а на нем распластанного Чубатюка. Матрос не двигался и не подавал признаков жизни.

– Он там! Похоже, без чувств...

– Гебрэхен? – засуетился Фризе. – Упаль, поломаль рука-нога?

– Не знаю... Надо посмотреть. Доктор, побудьте здесь, нам с Пафнутием сподручнее. Если что, мы вам поможем спуститься.

Немец был толстоват и неуклюж. Зато ловкому Пафнутию не составило труда юркнуть в провал и, подобно пауку, добраться по неровной стене до неподвижного Макара. Вадим нырнул следом. Акробатическим искусством он не владел, но все же сумел приземлиться без повреждений и очутился в длинном, выложенном из необработанного камня коридоре, концы которого терялись вдалеке. Нависший свод, стынь, затхлость... Недостает только графа Монте-Кристо!

Устрашающие декорации дополняло тело Чубатюка. Он лежал, раскинув руки, с закрытыми глазами и производил впечатление мертвеца. Вадим, отдирая пуговицы, распахнул на нем бушлат, приник ухом к тельняшке. Биения сердца не уловил... но, может быть, его заглушал ток собственной крови, шумевшей в ушах Ниагарским водопадом.

Логично было предположить, что Чубатюк потерял сознание, всей своей массой рухнув на пол. Но отсутствие пульса, смертельная бледность лица...

– Смотри, – молвил Пафнутий глухо. – Этим убили.

Он показал Вадиму на тоненький дротик, торчавший в левой скуле Макара. Вадим протянул руку, но Пафнутий оттолкнул ее и придушенно зачастил:

– Ты что! Яд смертельный... Рассказывали мне, им смазывают стрелы аборигенские. В кровь попадает – и кранты!

Вадим тоже читал об этом. Индейцы, прерии, кураре... Но не верилось, что подобное может произойти не в далекой Южной Америке, а под Москвой, в славянских землях, где отродясь никаких арауканов с их дикарскими штучками не встречалось.

Тем не менее обстоятельства указывали на правоту Пафнутия. Герой-матрос пал жертвой экзотического оружия.

Эх, Макар, Макар! Как же это с тобой приключилось?.. Неужто ты никогда не встанешь, не расправишь свои громадные плечи, не назовешь меня одноногой шваброй и выменем дохлого шакала? Не пойдем мы с тобой больше в кабаки, не будешь ты щипать официанток за попы и фальшиво подпевать частушечникам...

Слезы навернулись на глаза, застили обзор. Пафнутий, который сочувственно шмыгал носом, тронул предводителя за рукав:

– Живой он еще вдруг? Врача надо...

Дельный совет! Вадим отер с лица недостойную мужчины влагу. Не плакать нужно, а действовать, действовать!..

Задрав голову, он зычно кликнул:

– Доктор! Лезьте сюда, мы вас поймаем!

Снаружи никто не шевельнулся. Затихло даже еле слышное шуршание падающих снежинок – содержимое небесного решета иссякло, в бесформенный проем светила с очистившегося небосвода лупоглазая луна.

– Доктор! Вы там?

Безмолвие.

Вслушиваясь в сердце Макара, Вадим не обращал внимания на прочие звуки и теперь жалел об этом. Он и отсюда, из подземелья, сумел бы угадать, что происходит наверху. Фризе – не из тех, кто любит дурацкие розыгрыши, тем паче момент совсем не подходящий. Раз не отвечает, значит, не слышит. Или еще что похуже.

– Подсади! – скомандовал Вадим Пафнутию.

Тот пригнулся, подставил спину. Вадим ступил на нее, и тот, не только гибкий, но и жилистый, разом вскинул его кверху. В ладони впились комья смерзшейся земли, торчавшие по краям провала. Вадим подтянулся, выбросил себя из ямы и сразу наткнулся взглядом на лежащего в неудобной позе немца. Лекарь боком ушел в продолговатую снежную дюну, правую руку подобрал под себя, а левую выбросил вперед. Ноги были согнуты в коленях, словно Фризе, перед тем как замереть, терзался от нутряной боли, голова запрокинута, рот полуоткрыт...

– Пафнутий! – страшно заорал Вадим.

Доморощенный Гудини выскочил из туннеля, как чертик из табакерки, и уставил расширенные зрачки на закаменевшего эскулапа.

– Один еще...

Вадим уже знал, что искать. Он сдвинул с затылка на лоб Фризе меховую ушанку и обнаружил застрявший в загривке дротик – точь-в-точь такой, каким был погублен Макар Чубатюк. Дротик косо и глубоко вонзился в кожу, вокруг бескровной ранки лиловело пятнышко.

– Нехристи... – пролепетал Пафнутий и перекрестился. – Доберутся до нас скоро...

Сумрак навалился на лес, окутал его тяжелой марью, населил призрачными химерами. Вадиму казалось, что они повсюду: таятся за стволами, крадутся через кусты, выглядывают из-за нанесенных вьюгой горбов. Зло властвовало и на земле, и под землей, выжидало своего часа, чтобы напасть исподтишка и разделаться с двумя уцелевшими смельчаками, посмеявшимися вторгнуться во владения Князя Тьмы.

Но Вадим если вначале и поддался оторопи, то теперь был одержим совершенно иными чувствами. Надо не труса праздновать, а бороться, выволакивать вредителей на свет, мстить

за убиенных товарищей. Рассудок подсказывал: раз враг пользуется вполне осязаемыми дробиками, то и сам он вряд ли бесплотен. Значит, за всем этим стоят не выходцы из загробного мира, а вполне живые люди.

Пафнутий придерживался противоположной точки зрения:

– Верлиока вороват! В ловушку затащил, изгаляется... Нет нам дороги отсюда!

– Нет так нет, – отмолвил Вадим с яростью. – Наплевать... Мы не назад пойдем, а вперед.

– Куда?

– Этот подземный ход куда-нибудь да приведет. У тебя наган с собой?

– Да...

– Пригодится. И фонарик у немца возьми, ему уже ни к чему.

Совість поскуливала: а как же погибшие? Похоронить бы, отдать почести и все такое. Но Вадим расценил возможную заминку как проявление малодушия. Закапывать друзей в лесу – глупая идея. Если удастся выйти из передраги, перво-наперво нужно будет отправить сюда отряд особистов. Пусть прочешут все до самой худой можжевельины, а заодно и тела приберут. Упокоятся Чубатюк с Фризе на кладбище, как положено, под краснотеловыми обелисками. А ежели противник одержит верх, то и сообщить о том, где и как пали смертью храбрых сотрудники особой группы, будет некому.

– Нельзя терять времени! Пошли!

Они вновь спустились в объятый темнотой коридор. Пафнутий включил фонарик, второй рукой изготовил к стрельбе револьвер.

– Я пойду первым, ты на три шага сзади, – обозначил диспозицию Вадим. – Будешь прикрывать. Главное, если пальба начнется, меня не пристрели.

Был еще вопрос, в какую сторону двигаться. Коридор тянулся и вправо, и влево. Вадим решительно двинулся туда, где, как ему думалось, находился нехороший дом некроманта Чучумова. Было знобко, выставший тоннель напоминал ледник, куда в жару ставят кринки со сметаной и складывают ломти сливочного масла, чтобы не растаяло.

Скорым шагом они одолели версту и встали перед железной решеткой, преграждавшей путь. Толстые прутья, хоть и покрылись рыжим налетом, представляли собой надежную защиту от нежелательного проникновения.

– Вот те на! – расстроился Вадим. – Динамитом-то мы и не запаслись...

– Динамит зачем? – Пафнутий передал ему зажженный фонарик. – Посвети.

Пожалуй, даже пятилетний шкет не пролез бы сквозь эти частые переплетения, но Пафнутий, действуя по одному ему известной методе, вытянулся в струнку, изогнулся кренделем и, волнообразно виляя бедрами, протиснулся сквозь узкую ячейку. Напоминал он при этом гусеницу, вползающую в червоточину. Очутившись по ту сторону решетки, он встряхнул запертый ее амбарный замок.

– Штуковина крепкая очень. Не отомкнуть.

– А р-револьвер на что? Нет ключа, откроем пулей.

Пафнутий замешкался, – он не хотел шуметь под носом у нечестивых. Но Вадим настаивал, и пришлось подчиниться. Он высадил в замок весь барабан. Расколотая дужка развалилась пополам, и проход был открыт.

Еще шагов двадцать, и коридор закончился кирпичной лесенкой, ведущей наверх. Вадим без промедления поднялся по ней, вышиб распахнувшуюся дверь и попал в погреб, интерьер которого нагонял такую же конвульсивную жуть, как читанные в бульварных журналах рассказы новомодного писателя Лавкрафта.

По стенам были развешаны пучки чертополоха, купальницы, именуемой в народе одолен-травой, и еще каких-то сушеных растений, от которых исходил пряный дурманящий аромат. Они перемежались репродукциями картин Босха и Гойи. В углу стояла ступа с вставленной в нее метлой, как у Бабы-яги. Под потолком болтались мумифицированные летучие

мыши, на полках дощатых шкафчиков выстроились в ряд стеклянные сосуды с плавающими в прозрачной жидкости жабами, рептилиями и уродцами непонятного происхождения и весьма отвратительной наружности. На просторном столе лежало ожерелье из звериных клыков, а под ним – развернутый свиток, покрытый непонятными значками.

– Подходящая берлога для черного мага, – подытожил Вадим громко и отдельно, чтобы не выказать сдавившую сердце оробелость. – Мужички сюда не добрались...

– Думаешь так почему? – продребезжал съезжившийся Пафнутий.

– Все цело. Ни одной склянки не р-разбили, а в них наверняка спирт.

– Пойдем отсюда, а? Нет же никого...

– Мы, видимо, под домом Чучумова. Это подпол, из него должен быть лаз наверх.

Вадим прошелся вдоль стен, сдернул висевший на двух гвоздях гобелен с изображением плюющего огненной слюной страхолюдного василиска, и их взорам открылась потайная дверка. Она была закрыта, но не заперта. Вадим взялся за медную ручку и потянул на себя.

– А надо нам туда? – Фонарик в руке Пафнутия ходил ходуном, сам новгородский трюкач был белее мела.

– Чего ты дрожишь? Р-раз уж попали, куда хотели, надо оглядеться. Ясно одно: в этом погребе Чучумов проводил свои магические эксперименты. А когда в усадьбу завалились погромщики, он ушел через подземный ход, поэтому его и не нашли. Все заранее предусмотрел, чародей хренов!

– Делать наверху нам что тогда? Разбито, разворовано все там...

– А ты не забыл, что кто-то наших товарищей ухлопал? Если здесь контра прячется, мы обязаны ее ликвидировать. Вперед!

Вадим рванул дверку, вывалился из подвала в небольшой зальчик, мозаичный пол которого усеивали обломки гипсовых скульптур, и сразу определил, почему грабители не заметили ход в святая святых статского советника: дверка была хитро замаскирована и сливалась с затейливым барельефом.

– Здесь тоже никого, – произнес Вадим, и по зальчику загуляли отголоски.

– Фонарик погас, – печально проинформировал сзади Пафнутий.

– Держись за меня. В случае чего стреляй на любой шорох.

Вадим переступил через порожек, и тут началось!

Зальчик озарился блестящими огоньками, они мигали, вспыхивали, слепили глаза. Но хуже света был замогильный вой, разнесшийся по всему дому. В нем слышался и хохот гиен, и душераздирающий ор одуревших мартовских котов, и противный скрежет несмазанных петель, и трубный глас посланцев из высших сфер...

Вадим на несколько секунд потерял над собой контроль, зажал уши, заметался по прямоугольному пространству, наталкиваясь на разбросанные всюду куски статуй. Потребовалось время, чтобы справиться с панической атакой. Глубоко дыша, он привалился спиной к стене и отлепил мокрые руки от ушных раковин. Вой не прекращался, огни все так же вспыхивали и гасли.

– Пафнутий!

Он позвал сначала слабо, но голос не прорвался сквозь какофонию, и он крикнул:

– Пафнутий!

Ответа не было.

Вадим отошел от стены, на нетвердых ногах шагнул к подвальной двери. Пафнутий лежал ничком, перевалившись через порожек, недвижимый, как изваяние. Световые сполохи резали глаза, но Вадим все же разглядел знакомый дротик, застрявший в шее новгородского ловкача.

Он заревел от безысходности и негодования. Выпалил из нагана по огонькам и ринулся к двери, что была напротив. Она вела в анфиладу комнат с высокими стрельчатыми окнами, забранными сеткой из светлого металла. За окнами царствовала погребальная ночная чернота.

Вадим помчался наугад, размахивая револьвером, и стрелял во все стороны, не разбирая, куда летят пули. Но вот в конце анфилады из боковой комнаты выдвинулось что-то невиданное – человек не человек, минотавр не минотавр... одним словом, страшилище или, как писали в церковных книгах, порождение ехидны. Всплески огоньков, разбросанных по всему особняку, все так же мешали сфокусировать зрение, поэтому пугало виделось Вадиму лишь в самых общих чертах. Две ноги, обутые в ботинки, а впереди еще три, прямые и тонкие, как трости. Над ними – мешковатый купол, скрывающий все, что выше. А в куполе – выпуклое остекленелое око.

Имел ли этот циклоп плечи и, собственно, голову, Вадим не понял, да и не задавался он сейчас физиологическими вопросами. Сходя с ума от окружавших его кошмаров, он проблеял нечто бессвязное и бессмысленное и выстрелил в застывший зрак чудовища. Брызнуло колкое крошево, и сей же миг в зашеек Вадима впиалась острая игла. Он пошатнулся, плоть потеряла чувствительность, мозг затуманился, и жизнь погасла, как лампа, в которой кончился керосин.

Разлепив веки, Вадим удивился. Вокруг все белым-бело, но он не в замеченном пургой лесу, а в большой комнате, освещенной электричеством и довольно-таки прогретой. Что это: рай, ад? Но в небесных селеньях не разило бы нашатырем, да и лампочки накаливания там вряд ли в ходу.

Получается, спасли, откачали и он в больнице? Тогда почему в ней такие же стрелчатые окна, как в усадьбе Чучумова, а вместо удобной пружинной койки пациент лежит на занозистом деревянном столе, перепачканном засохшей краской и напоминающем верстак?

Вадим приподнялся, пощупал шею. Дротики в ней не было, рана слегка поднывала и чесалась, как после комариного укуса. В суставах поламывало, но, в общем, ничего, терпимо.

Сев, он машинально взял свое пальто, кем-то свернутое и заботливо уложенное в изголовье вместо подушки, накинул его на плечи, нашел в кармане револьвер без патронов, встал, подошел к окну и всмотрелся в ночную темь. В комнате и за ее пределами – безмятежный покой, никакого вытья, ничто не мигает, свет ровный, смягченный матовыми плафонами.

Так-так-так... Вадим уловил шаги за дверью, волчком развернулся и выдернул бесполезный наган. Стрелять нечем, но оружие в руке само по себе придает уверенности.

Дверь отворилась, и в комнату вошел давешний старикашка. Бородища, седые космы – все при нем, только батога нет.

– Ты?! – Вадим, охваченный ненавистью, забыл обо всем и иступленно надавил на спусковой крючок; но револьвер щелкнул вхолостую.

– Ай-я-яй, Вадим Сергеевич! Сколько ж в вас ожесточения! Разве так можно? – промурлыкал старик голосом Барченко и принялся совлекать с себя маскарад.

– Александр Васильевич? – Ошарашенный Вадим во все глаза глядел на шефа. – Это вы?..

– А вы мнили, что я червец книжный и токмо пером по бумаге водить умею? Я, батенька, егда в Петербурге учился, в гимназическом театре лицедействовал. Помню, однажды патера Лоренцо из «Ромео и Джульетты» изображать довелось...

Он стащил с себя крестьянский наряд, отцепил бороду, сбросил с головы парик и ваткой стер со щек грим. Поморгав, надел свои круглые очки.

– Сложновато, знаете ли, без окуляров. Зеницы мои зело попорчены, еще со студенчества оптику ношу... Молвят, будто в Швейцарии давно уж линзы специальные изобрели, чтобы прямо в глаз вдевать, под вежду. Но до нас еще не дошло, да и сомнение имею, будет ли удобно...

Слушая степенный говорок начальника, Вадим пытался собраться с мыслями.

– Александр Васильевич, зачем это все? Что за святочный вертеп?

– А что было с вами делать? Когда вы про нечистую силу и Клинский уезд заговорили, я сразу смекнул, что мои наказы вам впрок не пойдут. Наперекор сделаете, поедете самочинно проверять... А вам сюда нельзя было.

– Почему?

Барченко вздохнул, сел на верстак и стал размеренно набивать табаком любимую трубку.

– Ладно... Поелику таинство сие вами уже, почитай, раскрыто, обскажу то, что в пределах допустимого. А когда получите официальное дозволение, тогда и все прочие нюансы прибавлю.

– Какое дозволение? Какие нюансы? – Мозги у Вадима бурлили, и он готов был низвергнуть на интеллигентнейшего шефа потоки площадной брани.

– Ведите себя благочинно, Вадим Сергеевич, – урезонил его Барченко и, пыхнув дымком из трубки, приступил к разъяснениям: – Волею Совнаркома при нашей особой группе создается лаборатория нейроэнергетики. Не скрою, моление об этом исходило от меня многогрешного, обаче не аз один к сему причастен...

– Что за лаборатория? Чем она будет заниматься?

– Изучением сверхспособностей человеческих. Наипаче мыслительных волн, сил невестественных и тому подобного. Удовольствуйтесь покуда сим речением, большего сказать не уполномочен.

– А при чем здесь Клинский уезд и вся эта дьявольщина?

– Покамест нам храмину научную в Москве воздвигнут, не один год пройдет. К тому ж некоторыми экзерсисами удобнее не в столице заниматься, а на лоне природном, вдали от мирского шума. Проще говоря, выбил я для лаборатории еще и филиал в Подмоскovie. Наладились для него место подыскивать и набрали на оное поместье. Почитал я про него, чертежики просмотрел – все мне приглянулось. Тут и обоснуемся.

Мысли Вадима мало-помалу обретали упорядоченность, хотя многое еще оставалось непонятным.

– Глухомань, болота, дремучесть непролазная... Это, по-вашему, подходяще?

– И славно, что дремучесть! Никто сюда забредать не станет, особенно после того, как молва стоустая по деревням разнесла, что ведьмаки тут свои шабаши устраивают. Крестьянство малограмотное отныне на пушечный выстрел эту усадьбу обходит. Ну а мы свои тропки потаенные проложили, о них никто, кроме спецотряда, понятия не имеет. А спецотряд товарищем Бокием одобрен, человецы проверенные, не выдадут...

– Это что же получается, – заговорил Вадим, проникая в суть задумки руководства, – молва эта неспроста пущена? Намеренно?

– Не без того. Народец и сам, конечно, постарался. Нагородили турусов на колесах... У нас в глубинке такие выдумщики обретаются, что прямо раздолье для этнографов!

– Стало быть, вы узнали, что я еду в Загорье... да еще и не один... и р-решили мне помешать?

– Разве вам помешаешь! – Барченко усмехнулся и спичкой взрыхлил табак в трубке. – Вы, коли чего во главу себе вобьете, так вас с пути не своротить. Вот и удумал я вам подыграть. Обрядился позанятнее и вчера ночью на гидроплане прилетел...

– Гидроплан! – воскликнул осененный Вадим. – Железная птица, которая садится на Сенежское озеро!

– Она самая. Да не какой-нибудь французский «Левек», а наш, отечественный. Летающая лодка Григоровича, слышали? Ей ни аэродромы не нужны, ни посадочные полосы... Мы на ней сюда уже пять тонн строительных материалов и оборудования перевезли. Хоромина сия, хоть и прочна, однако ж ремонта требует изрядного... – Барченко погладил заляпанный белилами стол.

– А потом что? – выпытывал Вадим. – Завели вы нас на опушку, аэросани испортили, сами как сквозь землю провалились...

– Намекаете, что я, изверг этакий, вас на съедение волкам бросил? Эх-хе-хех, Вадим Сергеевич! Второй год вместе работаем, а вы меня за сквернавца держите...

– Да я не о том, Александр Васильевич! – сконфузился Вадим.

– А о чем же? – Барченко отложил погасшую трубку, встал и принялся мерить комнату шагами, как лектор в институтской аудитории. – Ничего бы дурного с вами не случилось. Померзли бы, поохали, а потом я бы за вами двух ряженных прислал, навроде егерей, что ревизию в заповедной зоне учиняют. Они б вас из леса вывели. Это бы приключение от цели вас не отвратило, но, по крайней мере, отложили б вы свои изыскания до теплых времен. А там, глядишь, и допуск бы на объект получили... Но нет! Настырность ваша границ не ведает. А тут еще Макара Пантелеевича угораздило в подземный ход сверзиться... Этих ходов при Чучумове прорыто было целых три. Полезная вещь, между прочим. Но без догляда они в негодность пришли, перекрытия кое-где обваливаются, чинить надо. Так что пришлось дать спецотрядовцам команду, чтобы они вас одного за другим нейтрализовали.

– Где они? – вскинулся Вадим.

– Спецотрядовцы?

– Нет... Макар, Пафнутий, доктор – они здесь?

– Где ж им быть? – Барченко остановился возле двери. – Да не полошиться вы так, они здоровы и невредимы. – Он приоткрыл дверь, выглянул в коридор и позвал: – Заходите!

К вящей радости Вадима, в комнату ввалился Чубатюк и обхватил друга ручищами, стиснул до боли.

– Здорово, братишка! Овца ты огуречная... боялся, не свидимся!

– Макар! Живой! – Вадим не находил слов от нахлынувшего счастья.

– Думал уж, все, каюк, пойду козе пупок царапать. – И, переполненный эмоциями, Макар выдал свое любимое: – Эх, не бей меня, мама, мокрыми трусами!

За Чубатюком в комнату вошли Фризе и Пафнутий. У обоих вид был слегка пришибленный. Вадим пожал им руки, осведомился о самочувствии.

– Ихь данке инэн... – церемонно ответил немец. – Копфшмэрцэн... Голова болель, но прошель.

Пафнутий поскреб затылок.

– М-да... Было оно что такое? Яд, не яд?

– Можно сказать, сонное зелье. – Барченко вынул из нагрудного кармашка дротик и провел пальцем по острию. – Помните? «Тогда по жилам пробежит твоим мертвящий хладный сон; обычное движение пульс прекратит свое и перестанет биться: ни теплоты не будет, ни дыханья...»

– «Ничто не обличит, что ты живешь», – закончил Вадим классическую цитату. – Лоренцо дал Джульетте снадобье, и она как будто умерла... Это же выдумка!

– Отчасти да. Но ведомо ли вам, что существуют растительные вещества, которые воистину способны производить эффект, описанный Шекспиром? Их пользуют некоторые дикие племена, дабы не убивать, а на краткий срок усыплять животных, коих они впоследствии приручают. В нашем ведомственном отделе токсинов, каковым руководит профессор Казаков, удалось извлечь подобное вещество из обыкновенной белены. В точно подобранных дозах оно почти мгновенно повергает человека в сон.

– Вот наждачка австралийская! – подивился Макар. – До чего наука дошла... чтоб мне вены ложкой вскрыть!

– Фантастиш! – поддакнул доктор. – Могу я получайт формула этот средств?

– Все-то вы торопитесь, герр Фризе, – упрекнул коллегу Барченко. – Когда благословят вас вышестоящие инстанции на работу в лаборатории, тогда и получите. А пока скажите спасибо, что охрана вас в лесу не бросила. Отогреемся, ночку скоротаете, а утром – нах хаузе...

так у вас рекут? Дальше сего крыла, – он обвел трубкой вокруг себя, – я вас пустить не имею права. В смежном корпусе уже аппаратуру монтируют.

– А в зале нижнем что завывало такое? – вспомнил свои недавние страхи Пафнутий. – И мигало...

– Сигнализация. Свет, звук – все чин по чину. Куда ж без нее? Вообразите, сколько тайных разработок в оном каменном ларце храниться будет!

– Не доверяете вы нам, Александр Васильевич, – с горечью заметил Вадим. – Архаровцами себя окружили, а мы, ваш преданный коллектив, побоку...

– Всему свое время, Вадим Сергеевич, – оборвал его шеф. – Всяк сверчок знай свои должностные обязанности. – Он вдруг подобрел, суровые морщины на лице разгладились. – Знаете... за то, что вы супротив моего веления пошли, я вас не виню. День сегодня такой... особенный. Макар Пантелеевич, не считите за труд... Там, за дверью, портфельчик мой. Принесите сюда, будьте любезны.

Макар, следуя его собственному выражению, метнулся кабанчиком и выполнил просьбу. Александр Васильевич достал из портфельчика литровую бутылку туркестанской кизиловой бормотухи. У Пафнутия разгорелись глаза.

– По стаканчику дозволите?

– Перун с вами! – Барченко отставил бутылку подальше. – Это для спецотрядовцев. Я их в Москву отпускаю, пусть отдыхают. А нам – другое.

Из того же портфельчика явилось миру шампанское «Парадиз». Этикетка на темном стекле свидетельствовала, что произведено оно в махровом 1910 году.

– Сан Силич! – изумился Макар. – Где вы эту древность откопали?

– Сберег, – скромно отвечивал шеф. – С незапамятной эпохи... Ждал повода, мечтал о хорошей компании. Мечты сбываются!

– Так вот для чего вы не дали нам в город вернуться! – догадался Вадим. – Не собирались вы за нами никаких егерей присылать. Ушли, а потом «у-га» стали кричать, подманивать...

Шеф посмотрел на него, как на душевнобольного, и насупил брови.

– Вадим Сергеевич, вы не захворали? Дайте-ка лоб пощупаю... Жара нет. Что за белиберда? Я не чадо малое, чтобы агукать. Не обижайтесь, но это вам с испугу пригрезилось.

– Но мы все слышали!

– Довольно. Открывайте шампанское, Макар Пантелеевич. А я пойду охранников спроважу.

Через полчаса они уже пировали, разлив драгоценный «Парадиз» по нашедшимся в усадьбе мятым кружкам. Чубатюк приволок из подвала длинную скамью, на ней и расселись. Шеф произнес прочувствованный спич, сознался, что в детстве обожал Рождество, особенно душистую елку, увешанную грецкими орехами в золотой фольге, стеклянными шариками и обмотанную бумажными ленточками из цветной бумаги.

– Сейчас все иначе, – понурился он, глядя, как лопаются пузырьки на дне кружки. – Я люблю коммунизм, но иной раз, знаете ли, хочется как раньше... Чтобы взял хлопушку и – бабах! – а в ней колпачок клоунский. Его на голову надеваешь, и сразу весело!

– Зер гут, – проорчал захмелевший Фризе. – А мне на Рождество короткий танишь надеваль... курточка как у матрозен... О, дас вар зер... майне фатерлянд!

– Это же не по-большевистски... – попробовал вступить в полемику Вадим, но его реплику тут же заглушил раскатистый бас Макара:

– Эх, сандаля губастый! Я ить тоже помню... Пряник мне подарили, сахарный. По сей день не забуду... Выпьем, Сан Силич!

Они выпили. То было время, когда, несмотря на вихрь социалистических преобразований, жила еще в людях ностальгия по ушедшим обычаям. И станем ли мы осуждать наших

героев за то, что поздним вечером в сочельник всколыхнулось в них то старое, почти позабытое, но нет-нет да и щекотавшее душу?..

– Александр Васильевич, – проронил Вадим несмело, – а как же Верлиока? Кто это был? Одноглазый, на пяти ногах, позади хвост... Я чуть штаны не намочил, честное слово!

– Ха-ха-ха! – разразился шеф неожиданно звонким смехом и расплескал шампанское. – А вот за это, Вадим Сергеевич, вы мне ответите. Высокотехнический прибор раскокали! До революции в Петербурге физик Розинг патент получил – за способ электрической передачи изображений на расстояние. Сейчас эту тему в Нижегородской радиолaborатории развивают. К нам Бонч-Бруевич приезжал, привез схемы, помог опытный образец соорудить. Мы его здесь же, в условиях секретности, опробовали. Дошли до того, что сумели движущийся силуэт передать. Стеклоанное око – это объектив, а хвост – провод к аккумулятору... За порчу имущества из вашей зарплаты вычту. И за лечение оператора тоже. Вы ему мочку уха пулей отчикали...

Вадим, хоть и чувствовал себя болваном, выставленным на посмешище, дуться не стал. Наоборот, с сердца камень свалился, и сделалось так легко, так светло, как бывает только в детстве, когда найдешь под елкой сверток с сахарными пряниками, а в хлопушке клоунский колпачок.

Подняв еще один тост за технический прогресс, шеф провозгласил:

– Наша задача, други мои, мыслию к светилам воспарять. Извилинами работать и каждую гипотезу проверять и доказывать. Ум – вот наша вселенная. А нечистой силы, Вадим Сергеевич, в природе нет. Яко ни рыскайте – не обряцете.

«У-га! У-га!» – согласно отозвался в законном мареве полуночный леший.

Татьяна Устинова. Любить по-русски

Мы очень скучно живем. Настолько скучно, что наш старший сын Мишка, потешаясь над нами, развил теорию о том, что мы гораздо старше, чем есть на самом деле.

«Ну никакие вам не сорок лет и даже не пятьдесят, – объявил двадцатилетний Мишка. – Вам каждому – миллион плюс ваши сорок и пятьдесят!.. Именно потому, что вам миллион лет, вас не волнует ничего из того, что, по идее, должно волновать!.. Ну вот, к примеру, кто и за что оштрафовал «команду Гугл» и что теперь этой самой «команде» делать – в Бразилии ее, того гляди, закроют! Ужас!.. Ни одного из вас, – разорвался Мишка, – не интересует, кто выиграл «процесс века» между «Самсунгом» и «Эпплом»!.. Сколько денег украл из бюджета футбольной команды такой-то и кого назначили тренером сякой-то. Избрали Сидора Семеновича председателем совета директоров организации «Нефть без границ» или же, напротив, уволили из банного треста за параллельный бизнес в сфере торговли оружием – это же обсуждали все средства массовой информации в течение недели!»

Нам все равно. Это правда. Мишка считает, это оттого, что мы слишком давно... здесь. Ну, миллион лет. За миллион лет чего только не увидишь и чему только не ужаснешься или обрадуешься, вот и вырабатывается привычка не обращать внимания на всякую ерунду, не имеющую никакого отношения к нам и к жизни вообще. Мишка считает, что остальным новоприбывшим это в новинку, вот они и переживают, а нам все давно известно, поэтому мы – ни с места.

Не знаю ничего про миллион лет, но живем мы действительно... скучновато, чего там говорить. Рассказать в программе «Любовь по-русски» или «Интриги, кошмары, преследования» решительно нечего.

«Любовь по-русски» длится уже двадцать пять лет и пребывает все в том же виде – когда папа улетает в командировку или отбывает со своим таким же скучным, занудным и очень умным братом в поход, жизнь наша делается пуста и бессмысленна. При этом решительно невозможно сказать про Женьку, что он зажигательный мужчина и взглядом умеет сотворить в небе радугу!.. Он вечно считает в уме, ничего не помнит, в десять вечера мучительно хочет спать и загорается, только когда нужно растолковать Тимофею, что такое натуральные числа. Вот оно, веселье!.. Папа объясняет так, как будто делает доклад перед Нобелевским комитетом, Тима ничего не понимает, Мишка пытается помочь, но тоже застревает, я то и дело спрашиваю громким раздраженным голосом – можно хоть что-нибудь нормально объяснить ребенку, без этих идиотских сложностей?! Папа голосом не менее раздраженным отвечает: он не виноват в том, что мы все такие тупые, и нужно же хоть что-то соображать!..

Ну да, однажды чуть не развелись, но потом передумали. Еще когда-то поругались на автобусной остановке так, что он уехал один, а я осталась, или наоборот, что ли!.. Для программы «Интриги, кошмары, преследования» все эти ужасы не годятся.

Мы никогда не воровали друг у друга детей, не судились с родственниками из-за наследства или жилплощади, не увлекались стриптизерами или стриптизерками, безумных поступков не совершали!..

Какая скукота.

Однажды кто-то из «психологических» журналистов спросил у меня, почему всех хороших девочек из «правильных» семей непременно тянет к хулиганам и безобразникам, и я, соорудив умное лицо и закатывая глаза, как бы в раздумьях, долго блеяла что-то в том смысле, что, мол, так бывает, противоположности... того... притягиваются, хочется огня, жизни, искр из глаз, вот и получается... или не получается...

Ну не знаю я, честно!

Я знаю, что меня никогда не тянуло ни к хулиганам, ни к безобразникам. Прекрасно помню, с какой осторожной брезгливостью я обходила в институте некоего красавца, которого обнаружила однажды спящим под лестницей в общежитии в пьяном виде!.. Красавец, надо сказать, не обращал на меня никакого внимания, но и меня к нему не тянуло – нет, не тянуло!.. Почему-то мне всегда было понятно – вот он, этот миллион лет! – что из историй под названием «Барышня и хулиган» ничего путного не выйдет, а получатся только страдания, а я не хочу, зачем?! Еще прекрасно помню, как советовалась с дедом, выходить мне замуж или не выходить. Деду было семьдесят восемь, он блистал остроумием, знал о жизни все, но был так деликатен, что с советами никогда не лез и точку зрения свою на что бы то ни было никогда никому не навязывал.

Дед сказал, что выходить – человек отличный, умница!..

Да, то ли согласилась, то ли возразила я, но ведь скучен очень и мужской красоты никакой!..

Дед немного подумал. От мужской красоты как от аргумента он отмахнулся вовсе, а насчет скуки... «Ты не права, – сказал дед. – Конечно, тебе придется к нему приспособиться, он другой, но тебе будет с ним интересно. Он очень хорошо образован и парадоксально мыслит, а это так важно!..»

Дед оказался прав. Мыслит мой муж действительно парадоксально, недаром натуральные числа так и остались для Тимофея неразъясненными!..

Н-да.

Зато нас веселят какие-то штуки, настолько простые и незамысловатые, что и рассказывать-то про них скучно!.. Вот каждый год покупаем елку – событие, радость!.. Мы берем с собой бутерброды – ехать пятнадцать минут, – напяливаем шапки, закидываем в багажник брезент и едем! Елки продают на складе, в ангаре холодно, промозгло и навалены деревья, и от этих деревьев хорошо, по-зимнему пахнет. Ангар сторожит большая собака, она нас давно знает и благосклонно принимает недоеденные бутерброды, они и берутся отчасти из-за нее!.. Сторож тоже нас знает, поругивает за то, что мы балуем собаку, и бодро выписывает «квитанцию» на желтой бумаге. Вооружившись «квитанцией» и уплатив в кассу, мы все вместе идем в ангар к веселой тетке в телогрейке, и Женька со сторожем лезут на кучу елок и выдергивают несколько на выбор. Это непросто, все орут: «Давай, давай, заходи с той стороны! Тяни! Вон ту, вон ту, эта кособокая!» Потом мы долго возимся с сиденьями в машине, потому что елка никогда не помещается, собака лает, сторож руководит, тетка в телогрейке хохочет, и еще какие-то люди в красных куртках, приехавшие следом, помогают, растягивают брезент, спрашивают, почему багажник не поставили!..

Дома тоже очень весело – натоптано, с елки всегда натекает лужа талой воды, и она лежит на бочку посреди коридора, отходит от мороза и дороги. Потом Женька пилит ствол, чтобы срез был свежий и елка лучше пила, потом мы долго не можем наладить подставку, и елка все время заваливается, угрожая накрыть Тимофея, который под нее лезет, и наша собственная собака в ужасе забивается под лестницу и никак ее оттуда не выманишь. Событие, счастье!..

В день прибытия елки ее никто не наряжает, она стоит, напружинив зеленые толстые лапы, с которых все еще капает вода, и мы время от времени подходим и трогаем лапы, здороваемся.

Когда приходит время «вечеринок» – какой же Новый год без этих самых «вечеринок»! – мы маемся. Нужно же ехать, да еще отдельно друг от друга – у каждого, включая Мишу и Тимофея, своя «вечеринка» – и там зажигать, а мы очень скучные люди! По-моему, один раз за всю жизнь Женька надрался и явился к очагу часа в три ночи, совершенно продрогший. Когда я спросила, не спал ли он в сугробе, муж мой абсолютно всерьез сказал, что довольно долго бегал в сквере – чтоб протрезветь. «Ну не мог же я, – сказал он, – прийти таким пьяным, я же понимаю, что пьяный!.. Дети увидят, стыдно».

С «вечеринок» мы бесконечно звоним друг другу с сообщением «сколько осталось». Вот разлили шампанское, еще пока нельзя уезжать. Ну насилу подали жульен, но все равно еще рано. А вот музыка заиграла, сейчас запоют под караоке и можно будет потихонечку смыться!..

Зато как весело на даче – каждый год одно и то же!.. Да ладно год, каждые выходные одно и то же, вот красота!..

Тридцать первого декабря мы запекаем свинину и гуся, дело до которого никогда не доходит. Однажды гуся забыли на лестничной площадке, прибыли второго домой, обнаружили нетронутого гуся, обрадовались до смерти, позвонили на дачу, сообщили родственникам, что немедленно выезжаем с гусем обратно – можно продолжать веселиться, вот же и гусь!.. Мы наряжаемся в самые прекрасные наряды – норвежские свитера, толстые носки, разношенные джинсы и меховые сапоги. Мы пересчитываем по десять раз купленные заранее плюшевые заячьи уши или оленьи рога, чтобы всем хватило. Бывают еще поролоновые приставные носы, но в них жарко. Подарки, кое-как завернутые в измятую бумагу со снеговиками и дедами-морозами, кучей лежат у двери, их приходится носить в машину в три захода – так много. Я прихожу в безумие – все свертки перепутались, и теперь не понять, кому что, а подписывать подарки хватает ума только моей сестре, а мне никогда!.. И вот наконец едем, и снег летит – или не летит, – и приемник поет новогодние песни, и мой муж игриво хватается меня за коленку, праздник впереди, и он в прекрасном настроении!..

Весь участок в огнях, красные шары качаются на ветках старой сирени, венки из омелы и остролиста пристроены на воротах, на гараже, на дверях – никому никогда не лень их вешать. В сугробе остывает шампанское, и на перила крыльца выставлены бокалы, ведь лучше всего наливать ледяное шампанское в ледяные бокалы!.. У собак счастливые морды и на ошейники повязаны сверкающие банты.

Напяливать только что полученные варежки, шарфы, тапки и раскладывать железную дорожку, чтобы полюбоваться, как ездит паровозик!..

...За миллион лет чего только не увидишь!.. А вот паровозик так и не надоел.

Анна и Сергей Литвиновы. Ангел на бреющем

Бог любил своих детей. Но и огорчали они его, надо сказать, безмерно.

За ними-то, когда их двое было, уследить было трудно. А уж теперь, как стало семь миллиардов, – и не пытайся. Не говоря уж о том, чтобы выполнить их просьбы. А ведь просят беспрерывно. Так и зудят в уши: дай, дай! Принеси им того, сего, пятого, десятого! Семь миллиардов душ, да у каждого на день по десять желаний, да все противоречивые – с ума сойдешь, если только захочешь выслушать. Не говоря уж вникнуть в их заклинания – а тем более исполнить. Поэтому давно уж властелин всего сущего решил, и постановил, и печатью своею огненной прилепнул: просьбы людские не исполняются!

Но нет правил без исключения. Даже у бога. Попустил он воплощать людские желания любимому своему святому – зимнему Николе. (Или, как на Западе его называют, Санта-Клаусу. Или, совсем уж в просторечии, Деду Морозу.) И когда Никола в положенный ему зимний месяц заступает за порядком на планете следить, ему просьбы людские исполнять – дозволяется. Особенно ночью, предновогодней или рождественской. Не все, конечно, пожелания – те, которые особо настойчивы. Ну или те, что святой расслышит. От тех людей поступившие, кто, конечно, хорошо себя ведет. Или тех, кому просто повезет.

Одному-единственному святому с ворохом людских челобитных, разумеется, не справиться. И Николай (сиречь Дед Мороз) обычно мобилизовывал себе в подмогу из рая святые души (или, в людской терминологии, ангелов). Те души сами людьми недавно были. Смысл и контекст человеческих пожеланий им более понятен. А то юное поколение завалило небеса просьбицами, в которых и не разберешь, чего им надо-то: «Хочу планшетник! Айфон! Игровую приставку!» Сам черт (ой, простите, сорвалось) не поймет.

Вот и отправился однажды рождественской ночью отряд ангелов, прикомандированный к святому Николаю, выполнять на Землю людские просьбы.

Среди новичков в отряде был тезка Деду Морозу – Николай. Это было его первое боевое задание.

В то же самое время Мария Петровна возвращалась домой из магазина. С некоторых пор она разлюбила Новый год. Главным образом, конечно, после того, как ушел Николенька. Вроде бы и надоел он ей за все сорок семь лет совместной жизни своими капризами и фокусами безмерно – а без него скучно стало. Тускло как-то. И поговорить не с кем. Хотя они и когда были вместе, не особо-то разговаривали. Бывало, только начнет он что-нибудь излагать – а она уж знает, что он скажет, о чем и даже с какой интонацией. И перебивает его: «Да знаю я!» – а он обижается. Точнее, обижался.

Зато сейчас захочешь какой-нибудь мыслью или планом поделиться – а не с кем. Дочка не то чтобы далеко – близко, в том же городе, а особо не поговоришь. Зять Марью Петровну не любит, внуков они ей так и не принесли, дочурка все бизнесом занята, отделяется: «Ну как ты, мама? Как здоровье? В порядке?» – «В порядке, милая, в порядке».

А еще с кем пообщаешься? Друзья, подруги? Конечно, но ведь на разных концах города живут. Раз в год встретятся – и хорошо. Да ведь и каждый день им названивать не будешь. А внимания хочется. Никогда б Мария Петровна не думала, что станет она по магазинам ходить не просто за продуктами-лекарствами, а с тайной мыслью: пообщаться-поговорить, хоть с продавщицами, хоть с такими, как она, потребителями.

А еще одна печаль: жизнь вроде бы тянулась долго-долго, а пролетела быстро. И вот она уже не озорная девчонка, не веселая девушка, не деловая, но привлекательная женщина – а бабуля. В зеркало даже смотреть не хочется и странно: она ли это, за которой бегали все мальчишки, а потом – парни, и ухаживали многие сокурсники и сослуживцы? А она все равно

тогда выбрала самого веселого и красивого – Николеньку. Ах, Николенька! Поговорить бы сейчас с тобой!..

Вот и шла она одна домой: в пакете бутылочка шампанского, шпроты, эклеры – а на душе печаль.

Сводный отряд ангелов десантировался в Энский район и разлетелся в свободном поиске по заранее намеченным квадратам. На долю новичка, как всегда с салагами бывает, достался самый тяжелый район. Не центр с его шикарными квартирами и офисами. Не пригород с роскошными двух- и трехэтажными особняками, где богатеи живут. У них уже и желаний-то вовсе не осталось: и без того все есть. Однако ангелу-новичку выпал спальный район с панельными пяти- и девятиэтажками. Людей здесь проживало множество, достаток и здоровье не ахти, отсюда – просьб огромное количество.

А еще тут автострада пролежала. Ангел пронесся вдоль нее. Здесь стояла глухая автомобильная пробка, оттого еще более противная и нервная, что в преддверии Нового года у всех имелось огромное количество дел, и домашних, и служебных, а делать их никак было нельзя. На бреющем полете невидимый людям ангел пролетел над стадом автомобилей, услышав мощную многоголосую мольбу: «Гос-споди, ну прекрати ты эти пробки!!!» – «Э-э нет, – усмехнулся призванный ангел. – Не в моей компетенции. Вы сами их создали – вам с ними и поканчивать».

Однако среди общего антипробочного вопля имелаась парочка молений, к которым небесный посланник все ж таки прислушался. В маленьком автомобильчике девушка заклинала: «Господи, я так хочу эту работу! Я просто создана для нее! Неужели я на собеседование опоздаю!? Пожалуйста, пожалуйста, не дай мне опоздать!» И тогда ангел подлетел к девушке поближе и дунул в уши: «Брось ты машину, наплюй на гордость, езжай на метро!» – И отлетая, увидел, как девушка распрямилась, вдохновилась и порулила к обочине, там и свободное местечко как раз образовалось.

А еще он услышал, как в пробке несколько других девиц, столь же, как первая, молодых, просили небеса: не просто научиться водить машину, а чувствовать себя за рулем уверенно и спокойно. От неожиданности (это было что-то новенькое, во времена, когда ангел еще был человеком, подобных желаний не водилось) он и эти моления выполнил. А потом, совершив крутой вираж, ушел от автострады в сторону многоэтажных жилых домов.

Если б ангел сейчас вдруг заметил Павлика, предстал перед ним и спросил, чего он хочет, мальчик ответил бы, что он, во-первых, хочет есть, во-вторых, погреться, а в-третьих, чтобы мама поскорей пришла. Но мамы не было – она, наверно, начала уже встречать Новый год в гостях у дяди Гриши, или дяди Эльдара, или какого-нибудь другого дяди – а ключа от квартиры Павлику не оставила. И о нем, наверно, забыла. Вот и сидел Павлик на подоконнике в подъезде: мерз, грустил и хотел есть.

Ангел в ту ночь хорошо потрудились. Особенно если учесть, что он новичок и то было его первое боевое задание. Он соединял поссорившихся влюбленных (восемь пар), примирял супругов (тридцать одна семья), вразумлял родителей: что по-настоящему хотят получить в подарок их дети (пятьдесят восемь человек минус двое невнявших). Он сделал так, чтобы сорок два мужчины и три женщины разглядели наконец в толпах вокруг – среди коллег, сокурсников или просто прохожих – своих подлинных суженых. Он подкидывал хорошим людям кошельки (три штуки), организовывал выигрыши в лотерею (два раза) и просто подкладывал детишкам подарочки (сто шестьдесят четыре). Наконец, имелись у него также отдельные, эксклюзивные свершения. Юной студентке-актрисе он организовал встречу с режиссером, который, безо всяких проб, пригласил ее на главную роль. Молодой географ получил

работу смотрителя маяка в Новой Зеландии. Архитекторы сумели сдать придирчивым заказчикам новейший, авангардный проект.

В итоге отчет о проделанной работе выглядел замечательно. Ангелу было с чем предстать перед всевышним, в чем отчитаться перед ним. Да, начальству, пожалуй, придаться будет не к чему и сам ангел был доволен. Поэтому он позволил себе маленькую вольность: спикировал на тот самый дом, к подъезду которого подходила Мария Петровна.

«Ну, здравствуй, любимая, – прошептал он, невидимый, женщине прямо в ухо. – Времени у меня мало, поэтому скажу одно: то, что здесь, внизу, – мгновенно и даже внимания не стоит. Настоящее – там, наверху. Поэтому меня не жалеи и не скучай. А здесь ты найдешь пока, о ком заботиться и с кем поговорить. И еще: ты очень красивая».

И ангел отпорхнул, заложил вираж и свечкой ушел в небеса.

В подъезде Мария Петровна встретила Павлика и сказала: «Мальчик, а пойдем со мной чай с пирожными пить. У меня и подарочек для тебя есть». А мальчик доверчиво сказал: «Пойдемте, тетя» – и протянул ей свою ладошку.

А когда они вошли в квартиру, Мария Петровна глянула в зеркало и поразилась: какая же она стала красивая!

Ангел Николай поднимался в небеса все выше, и сердце у него пело. Пусть он устав и нарушил – зато, считай, как будто дома на побывке побывал.

...В небесных сферах коррупции, конечно же, не существует. Но вот злоупотребления своим служебным положением порой еще встречаются.

Евгения Михайлова. Воскреснуть после любви

Даша

Дашины пальцы ласкали бумагу. У нее сейчас нежная кожа рук, она ощущает не только невидимую шероховатость поверхности, ей кажется, что она гладит каждую букву. И аромат открытых страниц... Он то ли есть, то ли это дивное настроение, которое зарождается от самого сладостного контакта. Даша знает этому цену. Неслыханную цену разлуки. После смерти главной части мозга, после небытия самых тонких чувств. После казни по приговору любви.

В эти снежные пасмурные дни новогодних каникул к Даше вернулось ощущение чуда из глубокого детства. Лишь тогда, в той дали, рождались чудеса. Они закончились стремительно и сразу. А тогда, дома, в атмосфере любви, в теплой, хвойно-мандариновой смеси, был чудесный час. Когда гости уходили, родные закрывали двери своих комнат, и Даша оставалась наедине с тем, что ей положили под елку.

Она прижимает к груди и лицу куклу, шепчет ей слова любви в нежное, прозрачное ухо под прохладными локонами. Она восхищенно рассматривает какие-то кофточки, юбочки. Все кажется ей чудом. Она все любовно раскладывает на низком столике, чтобы смотреть на сокровища ночью с кровати. А затем бережно, благоговейно берет самое драгоценное, самое желанное. Она несет новую книгу на свою подушку. И прежде чем открыть ее, Даша влюбленно рассмотрит каждый штрих и цвет на картинке обложки. Если там есть лицо, она коснется его губами и запомнит на всю жизнь. А потом ляжет, включит еще одну настольную лампу и отправится в свой счастливый мир.

Родители разрешали Даше читать в постели и по ночам с четырех лет. И дарили ей не только детские книги. Был другой критерий: хорошие.

– Когда человек хочет читать, – говорил папа-учитель, – запрещать ему это делать – тяжелейшее и несправедливое наказание. Если зрению суждено испортиться, для этого найдется тысяча причин. И нет ни одной причины, которая может позволить взрослым отобрать у ребенка книгу, его и только его мир. Ребенок непременно должен открыть его сам.

Вот Даша и открывала свой мир в блаженном детстве, в горячей юности, в суровом и беспросветном походе под названием «женская жизнь». Книги не сгорали ни в кострах страсти, ни в пожарах ее потрясений и войн, ни в тягостном мороке протеста против жизни в принципе. Ох как часто Даше не хотелось жить! Ни жить, ни пить, ни есть, ни видеть свет за окном. И тогда она зажигала лампу в ночи, и распахнутые страницы отпускали ее бедное сердце на свободу. Там она дышала, плакала и смеялась даже тогда, когда в собственной жизни кончались силы, слезы и голос.

Никогда она даже не могла предположить, что ее могут лишить главного, единственного спасения. Кто-то как-то и почему-то. Но это случилось. Наступил день «Ч», и книги умерли рядом с ней. Стали желтеющими рядами скованных переплетами бумаг. Даша не ослепла: она просто перестала видеть текст. Буквы видела, а текст нет. И ни малейшего отзвука в себе. Тогда же она перестала смотреть фильмы. Стали пустыми словами мастерство режиссера, игра актеров. Они сами стали пустыми местами. Даша видела лица, слышала голоса, но то была лишь мертвая, условная, посторонняя, никому не нужная суть.

Вот когда она пошла по своему, тщательно для нее выбранному аду – пустота, глухота, выжженный кусочек пространства вокруг и распятое одиночество с вырванным сердцем.

Даша подошла к окну, раздвинула шторы. На широком подоконнике на фоне ночных фонарей уже несколько дней у нее живет маленькая еловая веточка в красном горшочке, с бантом и одним большим бордовым шаром. Первая ее личная, собственная елка. Она попросилась

в руки в магазине. Стояла на витрине между яблоками и гранатом. И так вдруг напомнила о счастье, что Даша больше не стала ничего покупать. Заплатила на кассе сто пятьдесят шесть рублей и понесла в ладони домой елочку. Она сделала себе подарок и запомнит его навсегда.

Даша повернулась к столу, налила в бокал розовое итальянское шампанское и продолжила праздновать свое воскресение. Ему уже три дня. Крошечная, яркая, ослепительная вечность после мгновения черного горя и тяжелого сна длиною в пять лет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.